I 4a
K-47

2014 ~~1818~~
111644

2012

II Да В-26286
К-47

Введеніе.

Значеніе теоріи въ военномъ дѣлѣ.

Всякая наука сейчасъ-же вызываетъ представленіе о теоріи. Мы, конечно, охотно допускаемъ существованіе теоріи въ чистой математикѣ, въ астрономіи, въ механикѣ, но въ военномъ дѣлѣ слово теорія звучитъ для насъ нѣсколько странно, и потому выяснимъ себѣ сначала, какое значеніе можетъ имѣть теорія въ военномъ дѣлѣ, какую напр. пользу можно извлечь изъ теоріи для морской тактики.

Нужно сказать, что всякая наука можетъ предъявлять ко всякой теоріи извѣстныя требованія, и когда она этихъ требованій выполнить не можетъ, тогда мы набрасываемся на теорію, подвергаемъ ее ѣдкой критикѣ, готовы втоптать ее въ грязь.

Чтобы выяснить этотъ вопросъ, посмотримъ, что даетъ теорія напр. въ такихъ наукахъ, для ея грязь никто не рѣшится отрицать, напр. въ геометріи.

Даетъ-ли напр. такая теорія готовое рѣшеніе такихъ практическихъ вопросовъ, какъ напр. рѣшеніе геометрическихъ задачъ на построеніе? Никогда. Ни одного рецепта для рѣшенія какой-бы то ни было задачи, исключая простѣйшихъ на вычисленіе, теорія не даетъ и совершенно этимъ не занимается. А такъ какъ выходитъ съ этимъ

Ф III 6644.
Инв. 7870
6666

Читалъ Генерал-маіоръ Павловъ

ВМА

– все-таки ни одна задача не может быть разрешена без знания теории, то является вопрос в чем – же заключается ее роль? А роль эта заключается в том, чтобы выяснить сущность, природу самого предмета и входящих в него элементов, т. е. линий, поверхности, объема; разобрать все их свойства, выявить существующую между ними зависимость, говоря, одним словом, теория лишь научает правильно геометрически мыслить. Но на этом и кончается роль теории. Больше к ней требований никаких предъявлять нельзя.

Как именно применить эту теорию к решению каждого практического вопроса – уже зависит от личных качеств, от талантливости решающего вопрос и от того на сколько его ум научился правильно геометрически мыслить. Теория, значит, направит его лишь на правильный путь для решения вопроса, а на сколько быстро или тихо он пойдет по этому пути, как справится с различными, встретившимися при решении, обстоятельствами, как воспользуется имеющимися у него данными – это будет уже зависеть от него.

Ну вот точно такую – же роль играет теория и в военном деле вообще, и в частности в тактике.

Она ровно ничего не решает, не дает никаких готовых рецептов,

1961
1951

но только объяснить и направить на путь правильных решений.

Теория должна объяснить сущность или природу войны, ход явления, разобрать все свойства различных элементов, участвующих в этом явлении, разделить эти элементы на главные и второстепенные, одним словом дело теории — воспитать ум и научить его правильно мыслить о военном деле, в частности о тактике, указать лишь верную цель, к которой надо стремиться, указать лишь правильный путь, которым должно идти к этой цели. Каким же образом идти по этому пути, как воспользоваться обстоятельствами, местностью, временем, погодой, ошибками противника, своими средствами — уже дело талантливости и знания исполнителя — и чем более будет развит в тактическом смысле его ум, тем быстрее и с меньшими для себя потерями он достигнет цели.

Но вместе с тем такая скромная роль нисколько не уменьшает громадного значения теории.

Если неверно поставлена цель, к которой надо стремиться, если исполнитель вступит на неверный путь, то легко себе представить, что сколько-бы искусства и таланта он не проявил в достижении поставленной себе цели, как-бы гениально он ни справился с различными встречающимися

ему затруднениям, он будет только удаляться от верного решения вопроса, и, только напрасно потратив массу усилий и энергии, убедится в конце концов в том, что он пришел к неверному результату.

Но самый лучший, ошибка в постановке конечной цели, к которой следует стремиться, очень часто может явиться причиной полнейшей неудачи, не смотря на талантливость и даже успехи ведения отдельных операций. Положим, напр., что государства А и В, разделенные морем, объявляют друг другу войну, причем флот А совершенно готов к выходу в море, а флот В еще только начал вооружаться в своих портах и готов будет положить перо раньше, чем через неделю. При этом положим столица государства В, Восточная дает флота и почти беззащитна. Легко может случиться, что решение этой столицы явится самым чрезвычайно заманчивым для А, в расчете, что потеря столицы заставит неприятеля быстро подписать невыгодный для себя мир.

Тогда А, поставивши себе такую цель, быстро сосредоточит на транспортах войска, если таковых нет, заграбит годные или военные суда, быстро погрузит всю свою морскую силу к неприятельской столице и ее овладеет. Пусть при этом адмирал А

выказывает замечательную тактичность и сильность. Не смотря на снежные заносы и полузанесенные маяки, опытно ли и во время выходит в реку, Елисеевич образом уничтожает различные преграды, выправляет линейные заграждения, наконец сражение его с Вереловыми Запорожцами — верх тактического искусства, высадка Десанта — верх предусмотрительности и умения воспользоваться местностью.

И вот столица у него в руках, но оказывается правительство №3 удалилось внутрь страны и совершенно не намерено заключать мир. И государство №3 в этом случае имеет право — оно взяло потеряло только столицу, но не свою военную силу, на которую Д почти до сих пор не обратил внимания.

А между тем время идет, флот №3 закончил свое вооружение, вышел во море, легко захватил выходные Для наблюдения за ним крейсера, не имевшие за собой никакой поддержки; эти-Двенадцать эскадры, выйдя из различных портов спокойно соединились и вдруг весь флот явился в устье реки, загородил ее минами и каким образом флот Д, отрезало ему сообщение с его собственными портами. Выйти с тем из внутренности страны начинают подступать к столице войска и положение Д ста-

новится критическим. Приходится решиться силой проложить себе дорогу, и пусть тут адмирал А обнаружит замечательную находчивость, стойкость и высокое тактическое искусство — но легко может случиться, что, имея флот уполномочен предбудущими операциями, лишенный части своих боевых припасов, отмеченный войсками, ему придется преклониться перед подавляющими силами и он окажется разбитым на голову.

Вот тогда, в свою очередь, флот В, может направиться к оказавшимся беззащитными берегам государства А, и действительно может принудить его к миру, так как у того не останется никакой надежды на перемену обстоятельств, так как военная его сила уничтожена.

Все что произошло вследствие неверно поставленной для действительности флота цели и неудача могли бы быть извлечены, если бы взять во внимание голос теории, имеющей напр. возможность объяснить раз навсегда, что во морской войне — главный объект для действий флота — это морские силы неприятеля.

Действительно посмотрим, чем бы могла окончиться эта фантастическая война, если бы флот А сразу поставить себе верную конечную

ущерб.

Воспользовавшись своим преимущественным положением в то время, когда неприятель еще только вооружался, Англия легко не дать соединиться неприятельским эскадрам и разбить их по частям, после чего за нами осталось бы обладание морем и тогда столица все равно не миновала бы его руки, но уже при совсем других обстоятельствах. Вследствие уничтожения морской силы Франции, надежда на ее выручку уже бы не было и очевидно это повело бы к заключению выгодного для Англии мира.

И таковы в общем всегда будут последствия неверно поставленной себе цели; на море, что будет тогда, когда флота не будет прямо стремиться к уничтожению неприятельского флота, а будет отвлечен, напр., преследованием неприятельской торговли, перевозкой войск, защитой своих укрепленных портов и т. п....

Вымышленный пример, конечно, фантазия; но история представляет много и действительных примеров такого рода. Также неверная цель была поставлена итальянскому флоту в 1866 году и греческому в 1894 году.

Теория, напр., разбирая сущность различных современных средств для боя, положила, в частности, что таранить, хотя

оружие и самое грозное, но требующее — ное.

Между тем адмирал, приготовившись ко бою, и будучи, положить, увлечен описанием сражения при Лиссе, где артиллерия не играла почти никакой роли, всю свою энергию, всю свою изобретательность употребляет на то, чтобы подготовить для своего героя благоприятную почву для тараннаго боя.

Он выбирает для этого самый подходящий строй; пусть этот строй, мало либого, пусть он неудобен для действия артиллерии, — он этим жертвует, так как считает, что все можно будет возвратить любительным действием тарана. Чрезвычайно все тяжеловесный, адмирал генеральную разработанную тараннную тактику, прекрасно потренировавшись в ней своих командиров, дает им дальнейшие указания для достижения успеха.

И вот начинается бой. Прежде всего неприятель, находясь в кильватерном строю, начинает маневрировать, не подпуская к себе близко, и очень искусно ведет артиллерийский бой.

Начинаются крупные повреждения, от постоянных перемен курса и очень трудных перестроений, строй расстраивается, теряется контроль над флотом, надежда сблизиться для тара-

нало Золе все исчезает.

И вот, когда совсем исчезнет эта надежда, придется поскорее отступить, чтобы не быть окончательно разбитым.

Но тут тоже может помешать приятель, пользуясь духом противника, и может случиться, что теперь и пройдет тайный бой, но все преимущество в нем будет уже на стороне неприятеля — новый дух, меньшие потери и т. п.

Вот эти такие — это капитальные ошибки и спасает теория, приучая ум сразу находить верную цель.

И так теория является лишь самою направляющей творчество на путь правильных решений.

Разобрав сущность войны на море и ее элементов, теория говорит:

1.) При расчете войны на море надо стараться прежде всего сломить морскую силу неприятеля, не увлекаясь слишком заманчивыми перспективами, отвлекающими от этого главного дела.

2.) Вся Золя — главное оружие артиллерия; и потому при всяких расчетах следует иметь в виду действие артиллерией, и для Зольи устойчивого ее действия надо принести в жертву мину и таран, хоть - Зы не заманчиво

было пустить в ход эти оружия, обладающие такой страшной разрушительной силой.

Самое решение какого-либо вопроса есть уже дело творчества, таланта, искусства, а не науки или теории.

Работа таланта уже сильного в теории заключается в следующем:

1.) Изучить обстановку, в которой придется действовать, т. е. время, место, силу свою и противника.

2.) Имея в голове правильную главную цель, приурочить ее к особенностям данной обстановки, т. е. поставить себе такую цель в данном частном случае, которая всего вернее вела-бы к достижению главной цели.

3.) Попытаться насколько это, конечно, возможно видоизменить обстановку, т. е. попытаться уменьшить число неблагоприятных условий для достижения поставленной цели и увеличить число благоприятных.

4.) Выбрать самые подходящие из имеющихся в распоряжении средства для достижения поставленной цели.

5.) Направить к этой цели все эти средства кратчайшим и вернейшим путем.

Взять в цель видеть заключается работа творчества, ума и воли полководца.

Теория же дает только правильную отправную точку, первый толчек, но при этом она отнюдь не сковывает творчество, для приложения которого остается широкое поле деятельности в способах достижения цели, указанной теорией.

Военные науки, их разделение и взаимная связь.

Под часто военными науками мы подразумеваем — стратегию, тактику и военно-морскую историю.

В чем же заключается роль каждой из них?

Стратегия есть искусство ведения общих операций на данном театре или театрах войны.

Она распределяет на данном театре войны морские силы и главная ее цель подготовить почву для наивыгоднейшего ведения отдельных сражений.

Искусство же ведения отдельных сражений при всевозможных обстоятельствах составляет предмет тактики.

Следовательно, связь между стратегией и тактикой является совершенно ясной.

Практика дополняет стратегию, служа как бы развитием этой науки во времени, но при этом, конечно, сама по себе не может составлять вполне самостоятельную науку.

Эти две науки тоже скажем прямо являются необходимыми для военного дела.

К ним еще присоединяется еще военно-морская история.

Спрашивается теперь, какую же роль играет эта наука относительно двух прямо практически необходимых наук — стратегии и тактики?

Для объяснения этого вопроса сделаю сравнение военных наук со остальными.

Математика — наука о величинах — имеет дело с явлениями совершенно простыми, — обладает притом законами совершенно точными и точковыми — все приемами исследования.

Взять напр. какой-нибудь со-ставить по математику невозможно, так как во этой науке — знание есть все, а изложение — почти ничто! Никакая диалектика в мире ничего не доказывает в математике без знания.

Следующую ступень занимающую науки естественные, напр. физика, химия, ботаника и т. п.

Они уже имеют предметом

изучение явлений природы, т. е. имеют дело с явлениями более сложными, и вместе с тем, сравнительно с математикой, они менее богаты точными законами. Вместе с тем, они обладают одним большим преимуществом: науки эти опытные, причем можно, по желанию исследователя, производить опыт во той или другой обстановке, меняя эту обстановку во зависимости от того какую сторону вопроса желательно подвергнуть исследованию.

Желаем ли, положим, исследовать свойство какого-нибудь тела, ли по произволу можем поместить его в любую обстановку, — нагреть его до любой температуры, поместить в воду, даже наблюдать его в безвоздушном пространстве.

Вследствие всего этого, приемы логического мышления к исследованию естественных наук применяются довольно легко.

Наконец за науками естественными следуют так называемые науки общественные, к которым принадлежат и военные науки.

В общественных науках главным предметом исследования является человек, его свойства и его действия, т. е. приходится иметь дело с явлениями самыми сложными, и между тем методы исследо-

вания, которыми обладают эти науки и законы, которые лишь служат основанием, - являются полными точными.

Имея дело со столь сложными явлениями, стратегия и тактика не допускают математических выводов; опытом - даже они полностью могут пользоваться лишь в самых ограниченных размерах.

Действительно, почти нет ни какой возможности по полному произвольному видоизменять обстановку военных явлений и единственно, что мы можем сделать, это - только лишь наблюдать за тем уже видь, какие они происходят, руководствуясь при этом для оценки явления обычно лишь внутренним чувством.

Больше всего в наших опытах мы стараемся подойти к боевой обстановке - это в маневрах.

Но приходится сознаться, что здесь мы воспроизводим не более, какую только подготовку боя, но никак не самый бой. Отсутствие в этом случае в орудиях снарядов, отсутствие ежеминутного сознания быть возможно лишь или пораженным устранение из этих опытов самый важный элемент - духовный.

Взять это - это крайняя недостаточность опыта мирного времени придает, при изучении военных наук,

особое значение выпавшему опыту военно-морской истории, и изучение это, въ связи съ опытомъ, является положительно единственнымъ средствомъ, чтобы проникнуть въ тайны искусства веденія морской войны.

Однако не всякое изученіе исторіи даетъ въ этомъ отношеніи крупный результатъ. Одно изученіе описательной части сторонъ приведетъ только къ знанію громаднаго количества фактовъ, но факты эти по большей части останутся мертвыми, говорящими лишь о массѣ частныхъ случаевъ, не объясняя самой сущности явленій.

Спенсеръ, напр., раздѣляетъ знаніе на двѣ рода: одно служитъ накопленью въ нашемъ мозгу въ видѣ умственнаго запаса, — другое обращается въ своего рода умственныя мышцы. Первое только отягчаетъ мозгъ, — второе его развиваетъ и увеличиваетъ его способность къ работѣ.

Чисто описательный методъ изложенія историческихъ фактовъ, лишь нагружаетъ, ни къ чему иному не приведетъ, какъ къ накопленію умственнаго запаса, и потому надо стремиться къ тому, чтобы это изученіе обращалось въ умственныя мышцы.

Для достиженія этой цѣли изученію исторіи должно быть одновременно и аналитическимъ и философскимъ (*).

(*) Методъ военныхъ наукъ. Сочин. Ген.-Лейт. Леера.

Типография К. Т. Суворина (13. 9. 8 л. 86-1).

Как живописец — он должен воссоздать сюжет, построить его в той последовательности и цельности, как он совершался на деле.

Как философ — он должен возвести сюжет в идею, так как всякий сюжет вне его служит только внешним выражением какой-либо идеи. Ему этого же сюжету надо отнестись критически, установить вызвавшие его из жизни причины, между которыми особенно важно найти причины духовные.

Затем еще остается прибавить, что, как при установке самого сюжета, так и при разыскании его причин, главною руководящею идеей должно быть стремление к правде.

Восстановить самый сюжет, как он произошел в действительности, работа конечно сложная, но все-таки вполне возможная и успех ее очевидно будет прямо зависеть, не считая добросовестного отношения к делу исследователя, от полноты и верности литературных об этом сюжете документов. Но вот критическая оценка сюжета, объяснение той идеи, которой он служит выражением — вещь не сравненно более сложная. Ведь если мы разумеем ход той или иной комбинации или дела, то ведь этот ход управляется не только событиями, которые нам положены более или

подробности извѣстны, а еще лучше и болѣй руководителя этой операціи и личнымъ отношеніемъ руководителя къ этимъ событіямъ. Слѣдовательно, чтобы совершенно правильно объяснить какую-нибудь операцію — остается только одно — вмѣстѣ въ душу исполнителя, стать на его мѣсто, постарайтесь на это время стать имъ самимъ. Именно въ душу исполнителя, критикъ долженъ суметь вчитаться его рѣшенія и мотивы его этимъ рѣшеніемъ. Въ объясненіи этихъ мотивовъ — главная задача историка, а не въ осужденіи или восхваленіи результатовъ.

Идеалъ критики слѣдовательно сводится къ тому, чтобы по возможности передумать и перечувствовать все, что было передумано и перечувствовано самимъ дѣятелемъ.

Ну понятно это такой идеалъ, и такая критика, въ полномъ ея смыслѣ никогда не осуществима. Выводы ея все-таки никогда не будетъ абсолютной правдой, а только гипотезой, приближающейся къ правдѣ только до извѣстной степени.

Но хотя абсолютной правды этимъ путемъ и не добиться, но все-же совершенно ясно, что такая разработка прошлаго, съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ направленіяхъ, въ высшей степени плодотворна, вызываетъ массу новыхъ мыслей и изслѣдованій, и это

будетъ самый вѣрный способъ превратить изученіе исторіи войны на морѣ въ умственныя мышцы – т. е. правильно воспитать умъ, который уже тогда сумѣетъ разобраться въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ.

И такъ практическій способъ изученія теоріи морской тактики состоитъ въ изученіи историческихъ образцовъ, но не въ изученіи лишь описательной ихъ стороны, – это будетъ почти безполезно, – а требуется подвергнуть ихъ объективной научной критикѣ.

Въ заключеніе этого разсужденія приведу еще мнѣніе о критикѣ извѣстнаго философа Канта.

„Критика", говоритъ Кантъ, „не должна, ни утверждать, ни отрицать, а лишь изслѣдовать. Только тогда основательнаго и всесторонняго изслѣдованія, она можетъ позволить себѣ скромно высказать свое мнѣніе безъ всякаго научнаго высокомѣрія.....

Она должна прежде всего остерегаться заранѣе ставить себѣ цѣль, которую она желаетъ и должна достигнуть, – путь къ истинѣ долженъ быть для нея свободенъ во всѣ стороны – и считать достовѣрнымъ только то, что внѣ всякаго сомнѣнія."

Методъ военныхъ наукъ

Вслѣдствіе того, что военныя науки, какъ и всѣ общественныя, имѣютъ дѣло съ самыми сложными явленіями, законы коихъ намъ точно установлены, въ этихъ наукахъ очень часто знаніе можетъ быть заслонено діалектикой и его-же можетъ быть причинено незнаніе. Поэтому, въ то время какъ математика, отъ этого вполнѣ застрахована, военныя науки представляютъ широкое поприще для проведенія въ нихъ какихъ угодно софизмовъ.

Это нужно всегда имѣть въ виду и избѣгать этого во что бы то ни стало, причемъ очень важную роль въ этомъ случаѣ играетъ методъ изслѣдованія.

Кантъ, напр., прямо утверждаетъ, что „повсюду методъ важнѣе самаго ученія, доктрины" и выше уже было указано какая разница получится въ приложеніи къ изученію исторіи напр. метода описательнаго и критическаго.

Но конечно самымъ вѣрнымъ методомъ всегда останется методъ научный, которымъ вполнѣ пользуется, только къ математикѣ; но и здѣсь-

---

(*) Методъ военныхъ наукъ. Соч. Ген.-Лейт. Леера.

ственные науки, хотя и съ трудомъ, а все-таки ему поддаются, и потому его и слѣдуетъ держаться въ предѣлахъ возможнаго.

Въ чемъ-же заключается этотъ научный методъ, который мы хотимъ примѣнить къ военнымъ наукамъ, въ чемъ состоятъ эти орудія теоріи?

Пріемы эти сводятся:

1.) къ классификаціи изслѣдуемаго матеріала, т.е. разложенію его на части.

2.) къ изолированію, удаленію его отъ окружающей среды, въ видахъ облегченія объясненія его сущности и

3.) къ выбору правильнаго пути научнаго изслѣдованія, такъ какъ такового пути три: анализъ или индукція, синтезисъ или дедукція и аналогія.

Конечно лучше всего, если явленіе можетъ быть изслѣдовано послѣдовательно всѣми тремя путями или на всѣхъ трехъ способахъ получится одинъ и тотъ-же результатъ. Это должно дать большую увѣренность въ вѣрности изслѣдованія.

Разсмотрю теперь эти пріемы въ отдѣльности и начну съ классификаціи.

Классификація - разложеніе сложнаго на простое - пріемъ весьма важный во

всѣхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ такихъ сложныхъ, какъ тактика.

Пока не будетъ установлена хотъ какая-нибудь классификація, до тѣхъ поръ нѣтъ и помина о какомъ-либо методѣ; безъ разсортировки матеріала по отдѣламъ, нѣтъ никакой возможности ни его правильно обсудить, ни вывести изъ этого обсужденія какое-либо заключеніе.

Классификація основывается на основныхъ законѣ логики, на соединеніи сходнаго, однороднаго и на разъединеніи разнороднаго; такимъ образомъ сложное дѣло упрощается.

Обратный пріемъ — скученности, приводитъ къ путаницѣ въ понятіяхъ и очень удобенъ для всѣхъ стремящихся не къ самой истинѣ, а къ ея искаженію

Конечно классификація имѣетъ также и слабую свою сторону, заключающуюся въ томъ, что она разграничиваетъ то, что въ природѣ, въ жизни не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, а незамѣтно переливается одно въ другое; происходитъ — же это отъ того, что говорить о всемъ сразу нельзя и приходится по невольно говорить послѣдовательно о такихъ вещахъ, которыя на самомъ дѣлѣ неразрывно между собою связаны, а слѣдовательно и вліяютъ постоянно другъ

на друга. Но конечно изъ этого не слѣдуетъ, что можно обойтись безъ классификаціи, но надо имѣть стараться сдѣлать эту классификацію естественной, избѣгая всякой искусственности въ разсортировкѣ матеріала; такимъ образомъ получится программа предмета, въ данномъ случаѣ тактики.

Чѣмъ естественнѣе произведена классификація, тѣмъ легче по окончаніи изслѣдованія по частямъ, возстановить предметъ изслѣдованія въ полной цѣлости — въ этомъ и заключается задача теоріи.

Принявъ цѣльное тѣло изъ рукъ жизни, теоріи, для удобства изслѣдованія, правда разнимаетъ его на части, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи этого изслѣдованія, возвратить его жизни въ томъ-же цѣльномъ видѣ.

Такимъ образомъ задача классификаціи чисто временная, подобно лѣсамъ при постройкѣ зданія. Когда зданіе готово, лѣса снимаются; когда изслѣдованіе вопроса по частямъ окончено, — временныя клѣтки исчезаютъ.

Но для изученія всѣхъ свойствъ предмета, одной классификаціи еще недостаточно; для этого надо имѣть возможность его изучать въ полной чистотѣ, безъ всякихъ посторонняго

вліяній на него условій времени, мѣста, т. е. обстановки.

Въ естественныхъ наукахъ это можно дѣлать практически, напр. внести тѣло въ безвоздушное пространство; въ военныхъ же наукахъ это можно лишь дѣлать мысленно, предполагая существующимъ только одинъ изслѣдуемый элементъ. Напримѣръ, желая изслѣдовать вліяніе свойства артиллеріи, мы предполагаемъ, что корабль кромѣ артиллеріи никакого вооруженія не имѣетъ.

Такимъ образомъ работа заключается въ томъ, чтобы изучить всѣ элементы поочередно въ полной чистотѣ, причемъ ревностно выясняютъ всѣ ихъ качества; а затѣмъ уже, при соединеніи ихъ вмѣстѣ, постараться примирить предъявляемыя ими иногда совершенно противуположныя требованія.

Такимъ образомъ нельзя сразу приняться за изученіе боя, дѣйствуютъ вмѣстѣ и предъявляютъ къ бою самыя различныя требованія всѣ средства обороны и атаки, которыми снабженъ современный корабль. Надо сначала средства эти (артиллерію, мины, тараны, броню и т. п.) изучить въ отдѣльности, въ чистомъ ихъ видѣ и только тогда можно дать себѣ

есибй отчетъ, какую предназначить каждому изъ нихъ роль въ бою, чтобы наилучшимъ образомъ воспользоваться ихъ сильными сторонами и какъ можно тщательнье скрыть слабыя.

Но надо помнить при такомъ отдѣльномъ изслѣдованіи, что полученные частные выводы будутъ справедливы только условно, какъ опредѣляющіе неизмѣнные свойства того или другого элемента, но если принять ихъ за выводы общіе, безусловные, они легко могутъ оказаться совершенно ложными. Напр. изслѣдуя дѣйствіе мины, мы выведемъ то разстояніе, на которомъ долженъ вестись бой и даже минный бой этотъ выводъ будетъ совершенно вѣренъ, но было-бы совершенно невѣрно заключить, что вообще морской бой долженъ всегда вестись на разстояніи минная выстрѣла.

Частные выводы могутъ входить въ общіе, только какъ выводы условные, съ извѣстными взаимными уступками, такъ какъ различные элементы по природѣ своей противорѣчатъ другъ другу. Таранъ напр. требуетъ сближенія съ непріятелемъ насколь, тогда какъ мина и артиллерія часто требуютъ противнаго, т. е. сближенія дорогою.

При разсмотрѣніи строя кильватера въ частности видно ясно всѣ-

жется его недостаткъ - слабость головы и хвоста, тогда, какъ если разсматривать этотъ строй въ благопріятной для него обстановкѣ, въ какой-либо дружинѣ, гдѣ онъ можетъ опираться на боковыя укрѣпленія, недостатокъ этотъ можетъ ускользнуть, или, по крайней мѣрѣ, не выступитъ такъ рельефно. Сравнивая два плана артиллеріи можно напр. придти къ выводу, что нескорострѣльная артиллерія лучше скорострѣльной, если искусство командировъ не будетъ считаться совершенно одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ.

Затѣмъ намъ придется напр. разсматривать два принципа - принципъ объединенія власти и принципъ частной иниціативы; очевидно они прямо другъ другу противорѣчатъ, и вмѣстѣ ихъ разсматривать нельзя.

Въ теоріи, въ изолированномъ видѣ, всѣ элементы противорѣчатъ одинъ другому, <u>взаимно исключаются</u>; въ жизни-же встрѣчаемъ между собою во всякомъ вопросѣ, они взаимно <u>уравновѣшиваются</u> въ своихъ послѣдствіяхъ.

Въ томъ-то и заключается польза отвлеченнаго изученія, что, узнавъ въ чистой теоріи безусловныя ихъ свойства, легче уже на практикѣ, въ жизни ихъ помирить.

Въ виду этого каждая наука, а слѣдовательно и практика раздѣляется на двѣ главныя части: чистую, или общую или познаніе природы вещей и явленій, и прикладную, или общую или приложеніе знаній къ жизни.

Произведя классификацію, и опредѣливши какой-либо элементъ изъ окружающей обстановки для научнаго изслѣдованія, является вопросъ о выборѣ правильнаго пути для этого изслѣдованія.

Какъ уже было говорено выше такихъ путей три: дедукція, индукція и аналогія. Дедукція идетъ отъ общаго къ частному, принимая за отправную точку, какую-либо неоспоримую истину - аксіому. Наибольшее приложеніе методъ этотъ имѣетъ въ математикѣ.

Индукція идетъ путемъ обратнымъ, отъ частныхъ явленій, къ общему, принимая это неизвѣстное общее за причину изслѣдуемыхъ частныхъ явленій. Этотъ методъ почти исключительно употребляющійся въ естественныхъ наукахъ.

Но конечно одной индукціи недостаточно, нельзя быть увѣренными въ вѣрности искомой причины, найденной по одному какому-либо факту. Это будетъ простая гипотеза, и, чтобы помирить законъ, надо изслѣдовать большое количество фактовъ, сопоста-

вить изъ выводы, отбросить все случайное, временное, вызванное обстановкой того или другого частнаго случая, отмѣтивъ лишь черты общія, и если выводы всѣ эти сойдутся, то можно быть почти увѣреннымъ, что выводъ этотъ - законъ.

Такой путь изслѣдованія называется аналогіей.

Изслѣдованіе - все единичнаго факта, какъ - бы добросовѣстно ни было оно ведено, не только недостаточно для полученія закона, но положительно опасно возводить частный выводъ въ общій законъ, справедливый во всѣхъ случаяхъ: это вѣрнѣйшій путь къ разнаго рода самымъ нелѣпымъ извращеніямъ.

Но и путемъ аналогіи еще не достигается полная увѣренность въ справедливости закона. Если возможно, слѣдуетъ еще его повѣрить тѣмъ, что, принявъ этотъ законъ за отправную точку, путемъ дедукціи придти къ частнымъ заключеніямъ и посмотрѣть, соотвѣтствуютъ - ли они дѣйствительнымъ фактамъ.

Индукція и аналогія въ нашемъ курсѣ найдутъ примѣненіе при изученіи цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, для вывода нѣкоторыхъ общихъ законовъ, а затѣмъ придется попробовать повѣрить эти законы путемъ дедукціи.

Предметъ морской тактики есть

искусство вести морское сражение, пользуясь наилучшими образом тьми наступательными и оборонительными средствами, которыми снабжен флот, руководствуясь въ применении этих средств нъкоторыми основными неизменными принципами.

Значение теории въ ней уже разобрано выше; дъло ее выяснить сущность элементовъ, но ничего не решить.

Практический же способъ изучения тактики заключается, какъ тоже было указано выше, въ изучении исторических образцовъ и главное, въ критическомъ ихъ разборе.

А разъ является критика, необходимы критерии. Не руководствуясь же въ такомъ важномъ дъле какими-нибудь личного взгляда и вкуса?

Критерии эти и надо искать въ тъх основных, неизменных условиях, принципах, которые ложатся въ основу решения того или другого вопроса.

Но одного этого строгого соотвътствия безвъстного решения тактического какого-либо вопроса научным принципом еще недостаточно для того, чтобы признать его вполне правильным. Для этого необходимо еще, сверх того и въ тоже время, строгое соотвътствие его съ другой чрезвычайно важной данной — обстановкой, подъ вліянием которой реше-

ніе того или другаго вопроса, применение того или другаго принципа, должно принимать безконечно разнообразныя формы.

И такъ для оцѣнки правильнаго или неправильнаго рѣшенія того или другаго вопроса, необходимо, ясное пониманіе принциповъ съ одной стороны, и глубокое изученіе, самый точный анализъ обстановки съ другой.

И вотъ разъ будутъ нами усвоены правильные принципы дѣла, они-то и будутъ направлять насъ во всѣхъ случаяхъ на путь правильныхъ рѣшеній. Какъ стрѣлять изъ орудій и минами, какъ управлять кораблемъ, какъ производить эволюціи — можно выучиться только на кораблѣ, въ плаваніи — это техника.

Но воспитать свой умъ въ вѣрныхъ принципахъ, возможно и въ кабинетѣ за книгой, за изученіемъ образцовъ.

Какъ это, такъ и другое въ отдѣльности — принесетъ лишь пользу — обладать дѣйствительными тактическими знаніями будетъ только тотъ, кто совмѣститъ въ себѣ обѣ эти отрасли знанія, — только воспитавшій свой умъ въ вѣрныхъ принципахъ и обладающій вполнѣ техникой своего дѣла, можетъ сказать, что онъ сдѣлалъ все, чтобы умѣть побѣждать.

Объ основныхъ принципахъ военнаго искусства.

Въ такомъ видѣ какъ война, гдѣ сраженія громоздятся на сраженія, часто одинъ неожиданный другого, гдѣ приходится считаться съ такими непредвиденными данными, какъ воля, нравственное состояніе, напряженіе и бдительность противника, чрезвычайно трудно проследить вліяніе тѣхъ общихъ причинъ, тѣхъ основныхъ принциповъ, которые тѣмъ не менѣе имѣютъ громадное вліяніе на исходъ военныхъ операцій. Напротивъ, прежде всего въ глаза бросаются различные отдѣльные эпизоды, различныя случайности, которыя повліявши такъ сильно вліяютъ на ходъ дѣла, что, какъ въ военной литературѣ, такъ и въ разговорахъ, можно столкнуться и предъ всѣми встрѣтить мнѣнія, что побѣда и пораженіе обязаны чисто случайному стеченію обстоятельствъ, даже въ самыхъ знаменитыхъ сраженіяхъ, имѣвшихъ громадное вліяніе на политическое положеніе Европы.

Генералъ-Лейтенантъ Лееръ въ своемъ сочиненіи самымъ рѣзкимъ образомъ нападаетъ на такой образъ мыслей и говоритъ объ этомъ такъ:

„Для невѣжды, все есть дѣло случая. Для того, кто способенъ найти причину всякаго явленія – случая не существуетъ;

тонъ, кто видитъ вездѣ случай - для того не существуетъ причины."

Военныя явленія, если ихъ разсматривать отдѣльно, дѣйствительно съ перваго взгляда кажутся какъ-бы результатами случайности; но если нѣсколько однородныхъ военныхъ явленій сопоставить вмѣстѣ, то они представятъ замѣчательную правильность по отношенію къ сущности своей, къ своей принципіальной сторонѣ, не смотря на то, что въ формальной своей сторонѣ, т.е. во всемъ что обусловливается временемъ и мѣстомъ, т.е. въ обстановкѣ, они остаются безконечно-разнообразными.

Такимъ образомъ въ ряду однородныхъ военныхъ явленій, всегда имѣется нѣкоторое неизмѣнное ядро - принципъ и безконечно - измѣняющаяся скорлупа - обстановка.

Сами по себѣ принципы, выражая собою природу, такъ сказать, сущность какого-либо военнаго явленія, безусловны и вѣчны, такъ какъ вѣдь не имѣется напр. сущность войны, какъ явленія, и не имѣется человѣка - этого главнѣйшаго элемента войны.

Но за то принципы условны въ приложеніи къ безконечно измѣняющейся обстановкѣ.

Въ каждомъ частномъ случаѣ сущность дѣла сводится не къ тому, что-бы приложить эти принципы въ частномъ ихъ видѣ - этого никогда не бываетъ-

а лишь къ тому, чтобы придерживаться требованіе чистаго принципа съ противорѣчащими ему требованіями обстановки.

Это – уже дѣло талантливости исполнителя, а самый принципъ даетъ теорія.

Принципъ ничего не рѣшаетъ, онъ указываетъ только путь, т.е. является регулаторомъ творчества, самой направляющей его на путь правильныхъ рѣшеній, но отнюдь не его замѣстителемъ.

Какъ стратегія, такъ и тактика имѣютъ свои отдѣльные принципы, да кромѣ того принципы тактики могутъ быть раздѣлены напр. на принципы боя и на принципы организаціи морской военной силы.

Хотя можетъ это покажется парадоксомъ, но эти принципы при всей своей важности обладаютъ одинъ громадъ-ный недостаткомъ – они замѣчательно просты, и какъ это ни странно, но именно эта ихъ простота служитъ часто причиной того, что принципы эти остаются плохо усвоенными и не принимаются на дѣлѣ.

Возьмемъ напр. какой-нибудь принципъ боя, который требуетъ для полученія успѣшнаго результата, чтобы въ основу его были положены: принципъ взаимной поддержки, принципъ сосредоточенія превосходныхъ силъ противъ части непріятеля, принципъ подстановленія

Литография К. Биргеръ-Гельсингфорсъ (13.0. 8 лин. № 1.)

сильной стороны и уклонение слабой, принцип внезапности и т.п. . . . .

Не правда-ли, прежде всего при чтении этих принципов бросается въ глаза ихъ замѣчательная простота. Никто навѣрно не рѣшится что-либо возразить противъ нихъ по существу, но всякій напротивъ подумаетъ, что это вещи на столько простыя, и такъ хорошо всѣмъ извѣстныя, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій умѣетъ и руководится при веденіи боя, хотя и является сомнительнымъ, чтобы такія простыя и хорошо извѣстныя положенія могли-бы имѣть особенное вліяніе на исходъ боя.

И вотъ эта-то простота, эта банальность этихъ принциповъ и служитъ чаще всего причиной, что на самомъ дѣлѣ они оказываются неправильными и совершенно забытыми какъ разъ именно въ тотъ моментъ, когда они наиболѣе нужны, т.е. какъ разъ во время боя.

Кажутся они такими простыми, такими общими мѣстами, что вникнуть въ нихъ хорошенько, ихъ изучать считаютъ излишнимъ, какъ-бы полагая, что достаточно ихъ только знать, чтобы и применять ихъ на практикѣ.

Но въ томъ-то и дѣло, что въ дѣйствительности это оказывается совершенно не такъ просто, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Фунд. библ-ки Воен. Инж. Акад. РККА
ИМ. К. ВОРОШИЛОВА

Прежде всего исторія даетъ гораздо болѣе примѣровъ уклоненія отъ этихъ простыхъ принциповъ, нежели слѣдованія имъ, значитъ уже не такъ ясно они всегда сознавались.

Затѣмъ исторія прямо указываетъ примѣры, когда такіе принципы подвергались преслѣдованію и провозглашались вздорными принципы прямо имъ противуположные. Наконецъ, и это самое драгоцѣнное, исторія доказываетъ, что во всѣ времена, главныя причины пораженія и успѣха, лежали именно въ принципахъ вѣденія дѣла, а не въ матеріальной части флотовъ, и что именно побѣждали тѣ принципы, которые изложены выше, а не противуположные имъ.

Дѣло оказывается въ томъ, что далеко еще недостаточно только знать какую-либо истину, для того чтобы эта истина руководила всѣми дѣйствіями человѣка.

Для этого надо получить твердое, глубокое свое собственное внутреннее убѣжденіе, что истина эта дѣйствительно вѣрна, а не только ей вѣрить со словъ другихъ; надо убить кромѣ того самому убѣжденіемъ, что истина эта страшно важна и что дѣйствительно безъ нея обойтись нельзя. Только при такомъ условіи человѣкъ всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, совершенно инстинк-

тивно будетъ поступать согласно съ этой истиной; если-же этого своего внутренняго убѣжденія нѣтъ, если передъ тѣмъ какъ что-либо предпринять, придется еще соображать согласно это или нѣтъ, съ какими-то прописными истинами, которыя быть можетъ иногда и полезны, но въ общемъ особой важности не имѣютъ, однимъ словомъ, если явится какое-либо разбитіе по этому поводу, то навѣрно этотъ человѣкъ поступитъ, не согласно съ этими истинами, а согласно со своимъ убѣжденіемъ, сложившимся можетъ быть моментально, подъ дѣйствіемъ окружающей обстановки. Особенно это вѣрно въ обстоятельствахъ критическихъ, гдѣ разсуждать никогда, какъ напр. въ бою. Однимъ словомъ, я хочу сказать, что принципъ можетъ принести пользу только тогда, когда онъ настолько овладѣетъ умомъ человѣка, что онъ сдѣлается его <u>способомъ мышленія</u> объ извѣстномъ предметѣ, напр. о веденіи морской войны или морского боя, — простое-же его знаніе совершенно безполезно.

По выраженію одного военнаго писателя, надо эти принципы не только понять и сознать ихъ важность, <u>надо въ нихъ себя воспитать</u>, ихъ выстрадать, вынести, надо чтобы они вошли въ нашу плоть и кровь.

Этим и объясняется тот факт, что известны всем эти принципы давно, но применяются они на деле чрезвычайно редко.

Положим, мы имеем два эскадры. Обе управляются одинаково талантливыми адмиралами и командирами, обе обладают самым современным оружием, личный состав их в одинаково высокой степени обладает техникой своего оружия, т. е. адмиралы прекрасно изучили эволюции и сумели сбить этим эволюциям свою эскадру, командиры прекрасно управляются своими судами и в совершенстве изучили тактику, артиллеристы-наводчики тоже только рады,— будут стрелять в нее без промаха, минеры тоже вытравили свои мины и тоже надеются, что ни одна мина не пройдет ни мимо ни подо неприятеля, ни ударит в своего. Но надо согласиться с тем, что видов все это не более, как средства, правда прекрасные средства, которые находятся в руках адмиралов и командиров, но именно этих средств в руках еще далеко не все — это не дает еще ни малейшего преимущества за то, на сколько разумно будут употреблены эти средства в дело. Здесь уже дело прямо зависит от духовной стороны адмиралов и командиров, даже не столько от их талантливости,—

(въдь талантливость также только одно изъ средствъ, которое еще нужно умѣть върно направить), а главное, отъ того, какъ воспитанъ тотъ умъ въ военномъ отношеніи; повторяю еще разъ, не столь важно, что этотъ умъ знаетъ, а именно, какъ онъ воспитанъ. Вотъ высказанные выше принципы и должны войти въ воспитаніе ума военныхъ моряковъ, они должны насквозь проникать нашу жизнь еще въ мирное время, и тогда въ бою мы совершенно инстинктивно отъ нихъ не отступимъ ни на іоту.

На этой почвѣ, при равныхъ по техникѣ описанныхъ выше эскадрахъ, можетъ выказаться и превосходство ума и таланта, и превосходство національнаго характера, и превосходство духа, и на этой почвѣ и будетъ рѣшена побѣда, причемъ только на этой почвѣ можно побѣждать съ небольшими силами многочисленнаго непріятеля.

По техникѣ въдь теперь можно считать, что всѣ европейскіе флоты одинаковы, и даже если одна изъ сторонъ уступаетъ другой въ этомъ отношеніи, то, сдѣлавъ извѣстное усиліе, истративъ извѣстную сумму денегъ, можно быстро заполнить этотъ недостатокъ.

Но правильно воспитанный умъ личнаго состава нельзя купить ни за какія деньги, и если его нѣтъ, то

нечего и думать, что он может быть быстро получен – для этого нужны долгие и долгие годы.

Но если это действительно так, что спрашивается каким - же образом прийти к этому убеждению.

Известная вещь, что знание дается довольно легко, завися от более или менее развитого ума и даже прямо от памяти, тогда как убеждение получается чрезвычайно трудно и зависит не только от ума, но и от чувства, причем большая часть убеждений достигается иным каким, как долгим и тщательным испытанием. Заставьте напр. фигаро, принужденного по каким - либо обстоятельствам жить среди нас, быть убежденным в наших нравственных началах, которыми мы руководимся в жизни. Он может быть будет нас знать, даже будет чрезвычайно судовать, т. е. не будет воровать, убивать и т. п., потому что он будет видеть, что это влечет за собою скверные для него последствия, но в первый - же раз, как он будет предоставлен сам себе, и не будет бояться наказания за свои действия, он непременно поступит по своему внутреннему убеждению, которое ему привито воспитанием. Мы между тем, воспитанные в этих нравственных началах, бу-

Здесь мы слѣдовать всегда совершенно инстинктивно нисколько не разсуждая передъ каждымъ поступкомъ согласенъ - ли онъ съ этими началами или нѣтъ.

И такъ для того, чтобы получить извѣстное убѣжденіе, надо себя въ немъ воспитать, и въ нашемъ военномъ дѣлѣ единственнымъ къ тому средствомъ является изученіе исторіи войны на морѣ, которое и должно намъ дать убѣжденіе въ томъ, что принципы Золе лишь всегда большое вліяніе на его результатъ, и дать возможность выбрать между различными принципами именно тѣ, которые ведутъ къ побѣдѣ.

Въ этомъ и заключается трудъ слѣдующаго главы историческаго очерка морской тактики.

Въ немъ, путемъ индукціи, т.е. вывода причины изъ разсмотрѣнія отдѣльнаго факта, и путемъ аналогіи, т.е. сравненіе этихъ выводовъ изъ фактовъ, происшедшихъ при различныхъ обстоятельствахъ и въ разныя времена, мы и должны придти къ заключенію о томъ какимъ принципамъ надо слѣдовать и на сколько они важны. Это будетъ историческій способъ вывода этихъ принциповъ. Затѣмъ мы сдѣлаемъ попытку вывести тѣ-же принципы путемъ дедуктивнымъ, исходя изъ одного общаго начала, принимаемаго нами за аксіому, въ данномъ случаѣ изъ духовной стороны человѣка, остающейся

неизменной во всѣ времена, и этотъ способъ мы назовемъ философскимъ. Если оба эти способа приведутъ къ тому-же результату, тогда можетъ мы и придемъ къ тому внутреннему убѣжденію, которое играетъ такую большую роль въ признаніи принциповъ надъ нами.

Періодъ древнихъ флотовъ.

Суда и тактика древнихъ.

Начало военныхъ флотовъ. Плаваніе по рѣкамъ и морямъ извѣстно людямъ съ незапамятныхъ временъ и нѣтъ возможности опредѣлить когда и гдѣ были построены первые рѣчные и мореходные суда, какъ были изобрѣтены весло и парусъ и когда собственно появились первые военные флоты; можно только съ нѣкоторою достовѣрностью сказать (древній преданія собранныя Геродотомъ, который жилъ въ V в. до Р. Х.) что за 1500 лѣтъ до Р. Х. Финикіяне, Египтяне и Вавилонъ имѣли большое количество настоящихъ военныхъ судовъ, а Троянскій походъ, время котораго можно отнести къ XII в. до Р. Х., произведенъ былъ при помощи громаднаго военнаго флота.

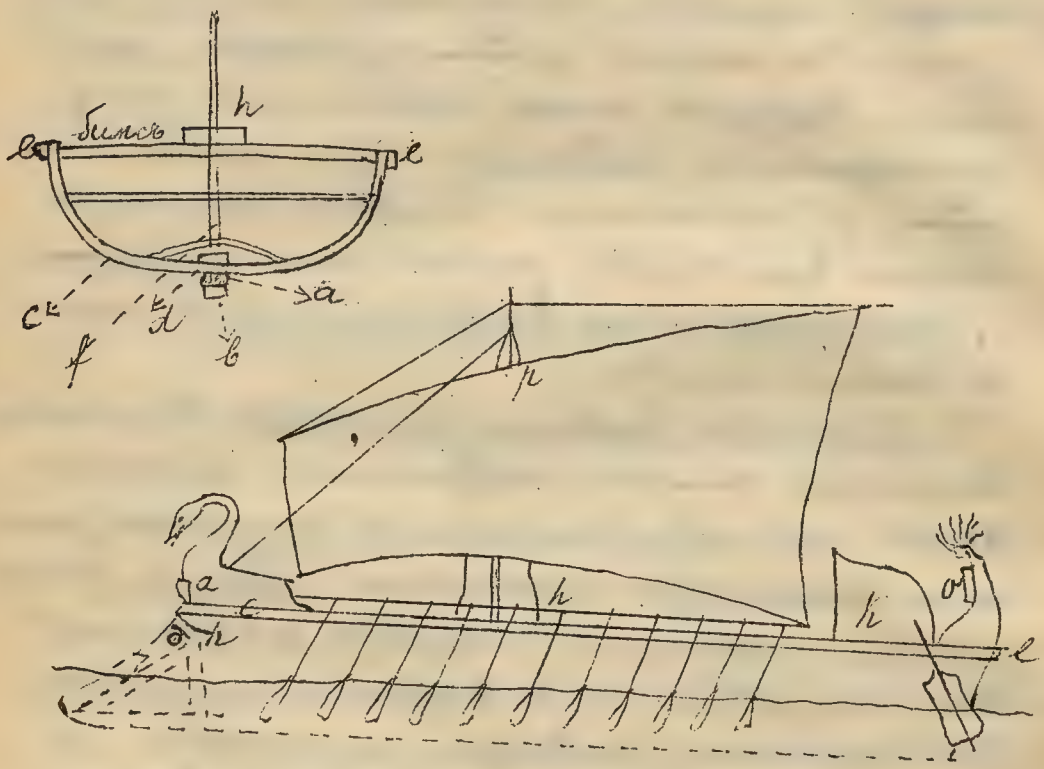
Принято, по всѣмъ изображеніямъ,

найденныхъ на различныхъ памятникахъ всѣхъ народовъ, населявшихъ берега Средиземнаго моря и по всѣмъ долинамъ до насъ описаніямъ, типъ военнаго судна у всѣхъ государствъ, почти одинъ и тотъ-же и типъ этотъ въ общихъ чертахъ сохранился почти неизмѣнно до начала среднихъ вѣковъ; такимъ образомъ нѣтъ надобности разсматривать отдѣльно суда каждаго народа, а достаточно дать описаніе общаго для всѣхъ типа военнаго судна употреблявшагося въ Средиземномъ морѣ въ древній періодъ.

Составъ древнихъ флотовъ. Древній военный флотъ раздѣлялся обыкновенно на суда длинныя и короткія, причемъ спеціально-военными судами были только первыя, а вторыя служили для торговли, а въ военныхъ флотахъ для перевозки провизіи, припасовъ и десантныхъ войскъ, такъ какъ длинныя суда строились такимъ образомъ, что въ нихъ не могли быть помѣщены никакіе запасы, и длинныя изъ главныхъ боевыхъ качествъ считалась легкость. Главнымъ двигателемъ длинныхъ судовъ было весло, а короткихъ — парусъ, причемъ при противныхъ вѣтрахъ и при штилѣ грузовыя суда шли на буксирѣ военныхъ.

Длинныя суда. Корпусъ. Основаніе судна составляетъ килъ A и подъ

него подкладывался брусъ b (сранишъ-книбъ), который долженъ былъ предохранять книбъ при частомъ вытаскиваніи судовъ на берегъ и перетаскиваніи ихъ черезъ мели; на книбъ



ставились лиангоуты c и сверху покрывались брусомъ d (книбсомъ); въ верхнихъ своихъ частяхъ лиангоуты связывались поперекъ судна бимсами. Штевни ставились на книбъ съ небольшимъ уклономъ наружу и соединялись со лиангоутами толстыми брусьями e; другихъ крѣпленій въ судовомъ остовѣ не существовало, а потому общій недостатокъ древнихъ судовъ – была сла-

нае тель. Полученный такимъ образомъ остовъ обшивался досками, пазы между которыми замазывались мелко толченными ракушками или смѣсями масличныхъ растеній.

Внутри, небольшое пространство Ж (лѣсло) надъ килемъ покрывалось сводчатой палубой и служило для стока воды, проходившей черезъ пазы обшивки и отсюда уже вода выкачивалась помпами; надъ лѣсломъ находилось помѣщеніе для балласта Д и сверхъ него палуба, на которой помѣщались банки для гребцовъ; если судно было безпалубное, то банками для гребцовъ служили бимсы.

На палубѣ посрединѣ вдоль судна, на томъ его пространствѣ, гдѣ помѣщался гребцы, имѣлъ уступъ К въ 3-4 фута ширины, который служилъ сообщеніемъ между носомъ и кормой; въ него-же проходила мачта, а также и всѣ люки ведущіе въ нижнія помѣщенія. На кормѣ и на носу палубы оставалась незанятою банками на пространство около 12-14 футъ, причемъ на кормовой части устанавливалась съемная легкая бесѣдка К, для командира и офицеровъ, а на носу устраивалась площадка съ поваленными бортами Е для прикрытія волновъ. Мичманы выходя на палубу изгибались въ различныя формы, причемъ форъ-мичманъ оканчивался

какой-нибудь фигурой, а остеръ-шпеневъ, загибаясь почти всегда во внутрь, дѣлался въ видѣ изогнутаго эскомба, кверху съуживался и оканчивался украшеніемъ въ видѣ пышнаго хвоста изъ тоненькихъ полосокъ дерева. Вышеописанныя носовое и кормовое украшенія назывались акростоліями и играли роль небольшихъ кормовыхъ фонарей; во время сраженія акростоли охранялись особыми людьми и часто подвѣшены въ знакъ побѣды украшали свои корабли акростоліями побѣжденныхъ. Надъ носовымъ акростоліемъ въ III помѣщалось лицо корабля или лицо Бога, надъ покровительствомъ котораго корабль находился, а еще ниже, по бокамъ фронштевня - глаза V; надъ кормовымъ акростоліемъ въ O, помѣщалось изображеніе Бога, лицо котораго иногда находилось на фронштевнѣ.

1. Вооруженіе. Мачта - съемная, всегда была одна и ставилась почти по срединѣ судна на ней подвѣшался рей P почти равный подлинѣ самому судну и снабженный фонарь, зейгрупами, топенантами и брасами.

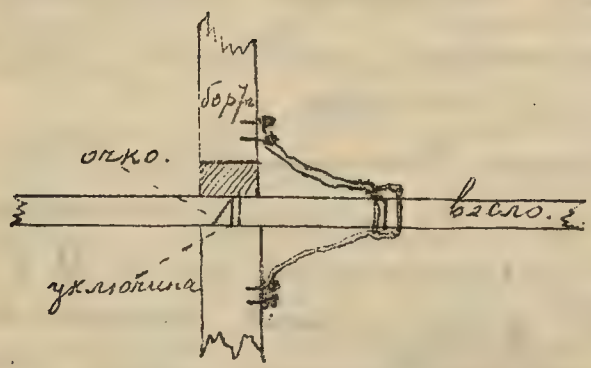
Парусъ, сшитый изъ кожи, папируса и позднѣе изъ полотна, былъ четыреугольной формы и только впервые ввели на своихъ судахъ паруса треугольной формы, откуда до сихъ поръ такіе паруса носятъ названіе латинскихъ; для управленія парусомъ имѣ-

лись якоря, а для удержки - якоря и гордени; якорей древние не знали, а потому имели нескольких парусов различного размера, надбитая ими соразмерно съ силой ветра.

Якоря сначала делались въ видѣ деревянныхъ крюковъ, наполненныхъ камнями или металломъ, но во II в. до Р. Х. явились уже якоря, форма которыхъ сохранилась до сихъ поръ; якорные канаты были частью изъ ремней и позднѣе изъ пеньки, а также встрѣчается указаніе на то, что и цѣпные якорные канаты были извѣстны древнимъ, но никогда не были еще придуманы и канатъ имѣлъ прямо черезъ борть.

Главнымъ средствомъ передвиженія длинныхъ судовъ, какъ уже это было упомянуто, были весла, которые и въ то время были совершенно такіе-же какъ и теперь; только лопасти были немного короче и оканчивались иногда остріемъ въ видѣ копья.

Уключинами служили кожаныя колышки, вбитые въ борть, и весло соединялось съ уключиной кожаными или тростовыми ремнями; если весло надо было пропустить сквозь борть ниже палубы, то въ борту делались отверстія, къ которымъ плотно прилегали кожаные мѣшки, сквозь дно которого уже проходило весло; при такомъ устройствѣ вода не попадала



внутрь, какъ-бы низко подъ водой не выходило весло.

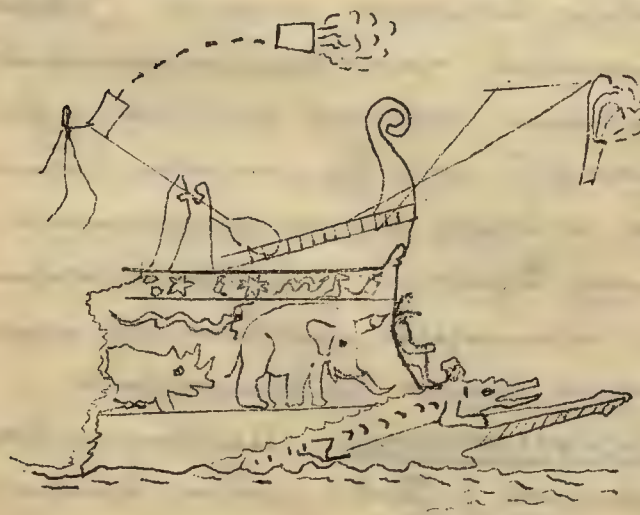
Короткое весло съ лопастью, вдвинутое съ кормы, служило вмѣсто руля, причемъ такимъ рулей бывало иногда нѣсколько.

Раздѣленіе длинныхъ судовъ. Въ древнѣйшія времена, какъ напр. во время Троянскаго похода длинныя суда были безпалубныя, гребцы помѣщались на банкахъ и только на носу и на кормѣ имѣлись площадки для волновъ; затѣмъ со временемъ суда эти были усовершенствованы и появились палубы во всю длину судна; при увеличеніи размѣровъ судовъ начали дѣлать вторую палубу и весла стали располагать въ два ряда и такого рода судно стали называть биремой въ отличіе отъ триремы, имѣвшей здѣсь рядъ весель; наконецъ въ V в. до Р. Х. появились триремы - суда съ тремя рядами весель. У древнихъ писателей встрѣчаются еще выраженія: квадриремы, кенкеремы, сексториремы, септириремы, окторемы и т.д., что какъ-бы пока-

бывать, что существовали суда съ восемью рядами весель, а также до насъ дошли описанія нѣсколькихъ судовъ гигантовъ, на которыхъ будто-бы помѣщалось до 40 рядовъ весель, при четырехъ гребцахъ на каждомъ ряду. Не имѣя никакого повода оспаривать существованіе такихъ громадныхъ судовъ, всѣ археологи однакоже сходятся въ томъ, что въроятно число рядовъ весель не бывало болѣе трехъ или четырехъ и, что впослѣдствіи, съ увеличеніемъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и числа весель, названіе стали давать всѣмъ судамъ не по числу рядовъ весель а, напр. по числу весель въ рядѣ, по числу веселъ гребцовъ которыхъ сидѣли на одной банкѣ, или по числу гребцовъ управлявшихъ каждымъ весломъ и т.п. Иначе, если принять, что дѣйствительно существовало сорокъ рядовъ весель, то каковы-же должны были быть длина и вѣсъ весла верхняго ряда и едва-ли древніе располагали средствами которые могли-бы привадить такія весла въ движеніе.

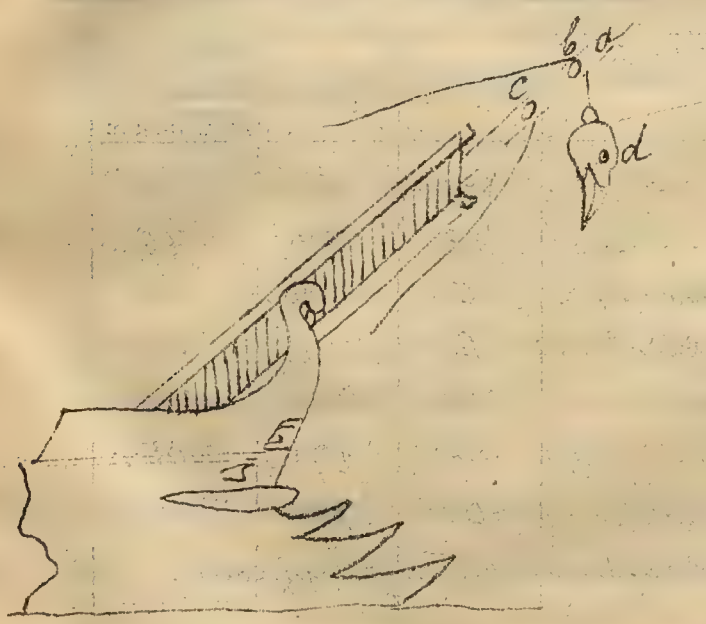
<u>Боевое вооруженіе</u>. Главное вооруженіе древнихъ судовъ составлялъ таранъ <u>ч</u>, основаніемъ которому служило продолженіе киля, къ которому или которымъ брусья отъ скулъ; а на это основаніе уже насаживался самый таранъ, представлявшій изъ себя бронзовую изъ металла голову какого-либо животнаго или просто

остріе; такая форма тарановъ считалась самою прочною и предпочиталась таранами прикрѣпленными прямо къ форштевню. Обыкновенно тарань помѣщался подъ водою, но иногда ихъ бывало нѣсколько и тогда они помѣщались одинъ надъ другимъ. Затѣмъ слѣдующимъ по своему значенію боевымъ элементомъ были волны, созданные главнымъ образомъ на носовой площадкѣ, вооруженные мухами, пращами, копьями и стрѣлами. Такъ какъ стрѣльба была тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ выше бойницы были расположены стрѣлки, то сначала на носу, а потомъ и посрединѣ судна около мачты и на кормѣ стали устраивать деревянныя разборныя башни, причемъ средняя башня внизу имѣла проходъ; для этой-же цѣли на вершинѣ мачты устраивалась площадка, на которой помѣщались самые искусные стрѣлки. На носу



Литография Т. Бирштейнъ-Одесса (В.О. 8 л. № 1).

кромѣ того помѣщались иногда различныя метательныя машины, посредствомъ которыхъ бросались на довольно большія разстоянія камни, тяжелыя стрѣлы и горючія вещества; на мачтѣ подвѣшивались громадныя деревянныя или желѣзныя, которыя раскачивались очищами помощу непріятеля отъ людей, а на концѣ реи подвѣшивались тяжелыя глыбы изъ металла, причемъ веревки, на которыхъ эти глыбы висѣли, подрѣзывались, когда они находились надъ непріятелемъ и пробивали, какъ палубу, такъ и дно непріятельскаго корабля.



Въ III в. до Р. Х. римляне, будучи еще плохими моряками, изобрѣли особаго рода помостъ, который позволялъ имъ, закинувъ одинъ конецъ помоста на непріятельское судно, переправить туда свою волновъ и такимъ образомъ обратить сраженіе въ сухопутное. Для этого на носу устанавливалось на шарнирѣ длинное дерево a съ двумя блоками b и c; на тросѣ, проходящемъ въ верхній блокъ, висѣла большая металлическая глыба d въ видѣ воронья клюва, откуда вся машина по-

имѣла названіе „<u>ворона</u>", а второй долженъ служить для того чтобы выдвинуть впередъ помостъ <u>e</u>.

При приближеніи къ непріятелю, бревно <u>a</u> ставилось наклонно и, когда грузъ <u>d</u> былъ надъ чужимъ кораблемъ, держащая его снасть раздергивалась, и ворона, вцѣпившись въ борть или въ палубу, не позволяла непріятелю нѣкоторое время отплыть; временемъ этимъ пользовались, чтобы опустить бревно <u>a</u> и выдвинуть впередъ помостъ.

Таблица элементовъ длинныхъ судовъ.

Названіе элементовъ. \ Типы судовъ	Уширенка	Трирема	Судно изображенное фрескою построенное въ III в. до Р. Х.
Длина	120	150	420
Ширина	16	18	76.
Осадка въ водѣ	5	8	20
Высота надъ водой . .	6	11	44.
Число тягъ	180	230	11300
Гребцовъ	44	174.	4054
Экипажа	100	225	7500.
Скорость на веслахъ	5 —	6 узловъ.	

<u>Короткіе суда.</u> Короткіе суда получили это названіе отъ закругленной формы кормы и носа, длина-же ихъ была въ три или въ четыре раза больше ширины. Они не имѣли никакого боеваго вооруженія, ходили исключительно подъ парусами и служили при военныхъ флотахъ транспортами.

1-й наружный вид древних судов. Суда древних красились обыкновенно в какие-нибудь яркие цвета, из которых самыми употребительными были пурпуровый, красный и небесно-лазоревый; в такие же цвета красились и паруса, на которых кроме того изображались отдельные фигуры или целые сцены, а также и надписи; иногда украшались скульптурой, резьбой, позолотой и инкрустацией. На верхушке мачты ставилась флюгарка, к которой привязывался длинный вымпел, а красный флаг на флагштоке, ставился в различных местах корабля, означая различные распоряжения адмирала, соответственно месту, где этот флагшток ставился.

Личный состав. Начальник всего флота назывался наварх или флотоводец; у него бывало иногда несколько помощников - триерархов, которые начальствовали над различными частями флота.

Командиры, в зависимости от величины судна, назывались иерархами, дуерархами и триерархами; после командира самыми важными лицами на корабле были кормчий и его помощник. Кормчий распоряжался курсом корабля, постановкой, переменой и уборкой паруса; он был обязан знать все признаки, предвещавшие перемену погоды и предсказывать ее по состоянию атмосферы, по полету птиц, по движению рыб и т. п.; главною обязанностью помощника, было знание берегов, около которых прихо-

150 | 18
46 9/11 8 7 6

должность знаменщика.

Затем шел <u>гарпунер</u> - начальник гребцов и при нем <u>музыканты</u>; играя на флейтах, тихими и особенными голосовыми звуками, то продолжительными, то отрывистыми, гарпунер поощрял гребцов к дружной и согласной работе, а если этого оказывалось недостаточно, то гарпунер пропускивался по спинам несчастных пленных, которая вместе с тем служила внешним знаком его звания; место гарпунера во время хода было на возвышенном уступе посредине судна, по которому он постоянно прохаживался взад и вперед.

Гребцы считались самыми праздными людьми на корабле, причем чем выше от воды сидел гребец, тем труднее было ему ворочать веслом, вследствие чего и жалованье гребцов было различное, в зависимости от того на какой ряду они сидели. Гребцы составлялись из добровольцев и невольников, и жизнь их была очень тяжелая при тогдашней грубой дисциплине. Кроме гребцов, на судне имелись еще матросы для управления парусом и волны.

<u>Тактика древних</u>. Вообще все боевые средства, употребляемые флотом, как для нападения, так и для обороны, можно разделить на две категории: средства для истребления или прекращения личного состава и средства

для уничтожения или защиты самого судна и его движущей силы. Очевидно, что уничтожить судно является средством более радикальным, чем какое бы ни было иное действие или личный состав, а потому, конечно, к развитию направленных к этой цели средств и должен был прежде всего стремиться человеческий ум при создании военного флота. Таким образом понятно, что на таран всегда обращалось особенное внимание, а в древности этому еще способствовало и то, что военные суда были чрезвычайно слабой постройки и потому пустить ко дну таранами было чрезвычайно легко, тогда как средства для уничтожения личного состава, т. е. стрелы, копья, каменометные машины и т. п. были оружием чрезвычайно ненадежным и полагаться на него было никак нельзя.

Таким образом таран в морском бою флотов древних занял первенствующее место.

Поэтому является совершенно понятным, почему древние для боя употребляли исключительно гребные суда, так как парусный двигатель и таран - две вещи совершенно несовместимые.(*)

(*) Именно вследствие этого, в то время как гребные суда разрабатывались, улучшались, и достигли высокой степени совершенства еще задолго до Рождества Христова, парусные суда оставались неуклюжими, плохими

Так как всю середину судна занимали весла, все боевые средства должны были сосредоточиться на носу; а потому там и помещались обыкновенно все главные военные машины и там же располагались и воины для абордажа.

Абордаж был следующий после тарана, по своему значению, боевым средством древнего грека и представлял собою главное средство для истребления личного состава.

Посредством расположения главного вооружения на носу, явилась необходимость быть обращенным к неприятелю носом, а потому почти единственным боевым строем должен был явиться строй фаланга. На самом деле так и было, и древние прибегали к другим строям лишь в исключительных случаях, под давлением каких-либо особых обстоятельств.

Чтобы не дать противнику возможности маневрировать свободно вокруг отдельных кораблей и удобно действо-

---

ходками и парусное вооружение применявшееся еще долгие 1000 лет после Р. Х. Торговля настолько еще сравнительно была мало развита и настолько опасно было, вследствие массы пиратов, возить ценные товары на невооруженном судне, что и коммерческие моряки не двигали вперед тип парусного судна и часто предпочитали ему гребное, несмотря на его малую вместимость.

вать маранами, дистанция между судами держалась настолько короткая, что весла сосьдей почти касались между собою.

Вследствіе слабости постройки своих судовъ и отсутствія какихъ-либо мореходныхъ инструментовъ, древніе очень неохотно выходили въ открытое море и плавали обыкновенно вдоль береговъ, и у береговъ-же происходило и громадное большинство сраженій древнихъ армотовъ. Двигались эти армоты лишь въ тихую погоду; но, какъ только поднималось вѣтеръ и волненіе, армоты старались укрыться въ какой-нибудь бухтѣ; а если таковой не было и мѣстность это позволяла, всѣ суда выбрасывались на берегъ.

Древніе предпочитали сражаться у береговъ еще и потому, что, такъ какъ въ маранахъ было пускалось ко дну большое количество судовъ, экипажи могли спасаться вплавь на берегъ. Древніе адмиралы всегда имѣли это обстоятельство въ виду, такъ какъ, если такого берега по близости не было, команды сражались съ меньшимъ мужествомъ и отдѣльныя суда легче сдавались въ плѣнъ, чтобы не быть потопленными.

Вообще выборъ мѣстности игралъ большую роль въ ходѣ древняго морского боя, и въ этомъ отношеніи

онъ имѣлъ болѣшое сходство съ боемъ на сухомъ пути — возможны были различныя военныя хитрости, засады и т. п.

Въ послѣдующемъ парусномъ періодѣ флоты, напротивъ, встрѣчались болѣе частью въ открытомъ морѣ, и всякое внѣшнее сходство между морской и сухопутной тактикой исчезаетъ, и остается лишь сходство внутреннее, заключающееся въ томъ, что какъ та, такъ и другая руководствуются тѣми-же основными принципами, которые вообще совершенно не зависятъ отъ обстановки боя.

Древніе-же имѣли возможность сражаться у береговъ, именно благодаря весламъ, которыя позволяли имъ судамъ двигаться по всѣмъ направленіямъ, независимо отъ направленія вѣтра.

Когда противники оказывались въ виду другъ у друга, это еще далеко не значило, что сейчасъ начнется между ними бой. Иногда они подолгу простаивали по сосѣдству, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ, напр., сраженіе было невозможно въ сѣрую погоду, нельзя было сражаться въ темнотѣ и т. п.

Открывъ непріятеля, наварахъ старался насколько возможно облегчить боевыя суда, свозя лишнія тяжести, или на берегъ, или на грузовыя суда; это дѣлалось для того, чтобы дать бо́льшій просторъ для сражающихся, а также и

для более легкой добычи грабежа. Затем, сохранившееся в разбросанном виде, затем и метательные машины ставшись на место, убравшись парусами, рубашись мачты и, построившись в строй полукружия, тараканы вперед, держась настолько близко друг к другу, чтобы весло соседей почти что касалось, сразу устремляемся на неприятеля; если ветер был попутный, то мачты оставляются на месте, чтобы как можно меньше уменьшить преграду, которая представлялась в предстоящем сражении успешная работа. В центре линии шел наварх, имея при себе мелкие суда для передачи приказаний, которые не желали отвлекать сигналами и трубами; на концах полукружия помещались самые сильные суда, бывшие в состоянии выдержать первый натиск и не придти от него в расстройство, а сзади них грузовые суда и резервные, которые могли-бы заменять корабли, потопленные или ослабленные боем. Употребляли древние иногда и другие строи, но строй полукружия был самый употребительный. Конечно строй сохранялся только до первого столкновения, после чего наступала общая свалка. Еще не дойдя друг до друга, враждебные флоты обстреливали противника градом стрел, копий и каменьев и действовали, сколько устройства, метательными машинами;

сойдясь, противники прилагали все стараніе, чтобы прикрыть врага и пустить его ко дну; а если ему удавалось увернуться, то направлялись вдоль борта и ломали весла противника, во-время убирая свои, чтобы лишить его подвижности, а слѣдовательно и способности увертываться отъ таранныхъ ударовъ. Наконецъ сраженіе кончалось абордажемъ, для чего на борть забрасывались тяжелые металлическіе крючья на цѣпяхъ; атакующіе тянули цѣпи, ловили непріятельскія весла, бросали свои и по такимъ, наскоро устроеннымъ, помостамъ бросались на непріятельскую палубу, гдѣ уже дѣло кончалось рукопашнымъ боемъ. Конечно „воронъ", изобрѣтенный римлянами, много упрощалъ дѣло абордажа: передніе воины лишь, несли щиты впереди, а слѣдующіе выставляли щиты свои за первыя мостки, вслѣдствіе чего люди, переходившіе по помосту, находились за сплошной металлической стѣной. Съ другой стороны, атакованные старались разрушить сообщеніе судовъ между собою, сталкивали атакующихся въ воду, засыпали имъ глаза известью и т.п.

Иногда въ сраженіи употреблялись особые пріемы, дававшіе блистательный результатъ, вслѣдствіе своей неожиданности. Такъ, напр., Брутъ, командуя флотомъ Цезаря, сначала-

ибить противъ Венетовъ (населявшихъ нынѣшнюю Бландею), и ожидая, что непріятель, обладавшій болѣе сильнымъ и болѣе многочисленнымъ флотомъ, спустится на него попутнымъ вѣтромъ подъ парусами, приказалъ привязать къ мачтамъ, параллельно реямъ длинные жерди и на концахъ, какъ рѣзецъ, такъ и жердей укрѣпить косы, остріемъ впередъ. Онъ разсчитывалъ, что косы перерѣжутъ снасти, ванты и фалы на непріятельскихъ кораблях, паруса и мачты упадутъ на палубы, приколютъ находящихся на ней людей и произведутъ замѣшательство, которымъ можно воспользоваться, чтобы взять корабли на абордажъ; маневръ этотъ блистательно удался и венеты, несмотря на свое превосходство, были разбиты на голову. Въ другомъ сраженіи, во время борьбы Юлія Цезаря съ Помпеемъ, Кассій, командовавшій флотомъ послѣдняго, напалъ нѣсколько транспортныхъ судовъ горючими матеріалами, зажегъ ихъ и пустилъ съ попутнымъ вѣтромъ на непріятеля, у котораго сжегъ 35 судовъ.

Нерѣдко въ сраженіяхъ древнихъ принимали участіе партіи водолазовъ, которые могли довольно долго оставаться подъ водой, набравши въ ротъ масло и выпуская его по каплямъ. Водолазы перерѣзывали якорные канаты стоя-

цились на якоря непріятельскихъ судовъ, уничтожали заграждения портовъ; иногда они вступались съ водолазами противника и тогда начиналась страшная борьба въ водѣ, гдѣ люди сражались, поддерживая одной рукой себя на поверхности, а другой дѣйствуя оружіемъ.

Походъ Ксеркса въ Грецію.

Война между могущественной персидской монархіей и союзомъ греческихъ государствъ представляетъ одинъ изъ разгаровъ вѣчной борьбы между Азіей и Европой, между востокомъ и западомъ. Первая попытка къ завоеванію Греціи была сдѣлана еще въ царствованіе Дарія, который отправилъ съ этою цѣлью въ 492 году до Р. Х. къ греческимъ берегамъ флотъ изъ 300 судовъ подъ начальствомъ Мардонія.

Экспедиція эта однако потерпѣла полную неудачу, такъ какъ у Аѳона флотъ былъ застигнутъ страшной бурей, во время которой большая часть судовъ погибла ко дну, причемъ погибло около 20,000 человѣкъ.

Въ 490 г. была снаряжена вторая болѣе сильная экспедиція, состоявшая изъ 600 триремъ, подъ начальствомъ Артафрена, который, опасаясь участи

своего предшественника, выбрать для своего флота другой путь.

Оттибыв от берегов Киликии, он, делая короткие переходы от одного острова к другому, переправился через Эгейское море и высадился прямо к берегам Аттики, где и высадил привезенную им армию у местечка Марафона. Здесь в августе или сентябре 490 г. произошло знаменитое Марафонское сражение, в котором Мильтиаду удалось быстрым неожиданным натиском прижать персов к берегу, которым с большим трудом удалось добраться до своих кораблей, оставив 6400 человек на месте битвы. Потерпев здесь неудачу, Артаферн задался мыслью быстро обогнуть мыс Сунион и произвести высадку близ самих Афин, но Мильтиад его предупредил, двинувши со своей армией знаменитый по своей быстроте переход от Марафона до Афин, и персы, принужденные отказаться от своего намерения, покинули греческие берега.

Очевидно персы не могли простить грекам этой неудачи, тем более если-бы они оставили ее безнаказанной, подвластные им народы могли усомниться в их могуществе и попробовать сбросить свое иго. К этому-же побуждали Дария находившиеся при персидском

дворъ аѳинскіе и спартанскіе политическіе эмигранты. Но самому ему уже не пришлось предпринять эту экспедицію, приготовленія къ которой задержались усмиреніемъ возстанія въ Египтѣ, во время котораго Дарій скончался.

Вступившій послѣ него на престолъ Ксеркс, покончивъ съ Египтомъ, принялся готовиться къ походу въ Грецію и четыре года среди всей Азіи кипѣла приготовленіями къ войнѣ. На этотъ разъ онъ уже не хотѣлъ дѣйствовать на авось и собралъ такія силы, которыя, по его понятіямъ, грекамъ нечего было и думать сопротивляться; дѣйствительно силы были громадныя – 800,000 пѣшихъ воиновъ, 80,000 всадниковъ, 3000 транспортныхъ судовъ и 1,200 военныхъ кораблей, сопровождали властителя всей тогдашней Азіи, готовившагося присоединить новый, греческій міръ къ своимъ владѣніямъ. Надо полагать, что планъ кампаніи былъ прекрасно обдуманъ и что всѣ распоряженія и организація этого вооруженнаго народа были чрезвычайно разумны, такъ какъ въ противномъ случаѣ такая масса людей далеко-бы не шла. Кромѣ того Ксеркс вошелъ въ сношенія съ Карѳагеномъ, который долженъ былъ одновременно напасть на греческія колоніи въ Сициліи;

Нужно сказать, что эпоха борьбы персов с греками по отношению к флоту имеет некоторое сходство с настоящим временем.

Только в V веке до Р. Х. после долгих колебаний и усовершенствований выработался современно определенный тип боевого корабля — триремы — и установилась полная его вооружение, но тактика находилась еще в полном младенчестве. Это является вполне понятным, так как очевидно тактика может быть создана лишь тогда, когда выработан тип военного корабля и его вооружение; так это было не только в древние времена, но тоже самое повторилось впоследствии с парусными флотами, и повторяется и теперь, так как только теперь во всех флотах начинают усиленно разрабатывать тактику, когда мы пришли к некоторым определенным заключениям о типах кораблей, об их вооружении и о той относительной роли, которую предназначено играть в сражении каждому из боевых средств современного военного корабля.

Разница заключается лишь в том, что тот прогресс на которой в древние времена затрезвонились века, совершается теперь

въ нѣсколько лѣтъ.

Однако греческія государства, находившіяся на Балканскомъ полуостровѣ, занятыя постоянными междоусобицами, очень мало участвовали въ развитіи боеваго корабля и военныхъ флотовъ почти не имѣли.

Напр. Аѳины, въ началѣ борьбы съ персами имѣли всего 20 кораблей, а остальныя государства и того менѣе. Напротивъ, греческія колоніи, распространившіяся по островамъ и по берегамъ Малой Азіи, имѣли большіе военные флоты и именно у нихъ и у Финикіянъ взяли наши лучшіе образцы разработаны военные суда и ихъ самое опытное личное составъ.

Только послѣ двухъ морскихъ походовъ персовъ (въ 492 и 490 г.г.), греки начали понимать, какое значеніе можетъ имѣть для нихъ флотъ въ предстоящей борьбѣ и приступили къ постройкѣ судовъ. Особой энергіей въ этомъ отношеніи отличались Аѳины подъ вліяніемъ Ѳемистокла, который съумѣлъ своими настойчивыми рѣчами заставить своихъ согражданъ ассигновать большія суммы на постройку флота. И, дѣйствительно, къ тому времени, какъ Ксерксъ готовъ былъ къ походу, Аѳины могли выслать въ море большіе двухсотъ судовъ, т. е. гораздо большіе, чѣмъ остальныя сосѣднія

Литографія А. Гарнакорендова (13.0.8 л. № 1).

государства всѣ выгоды.

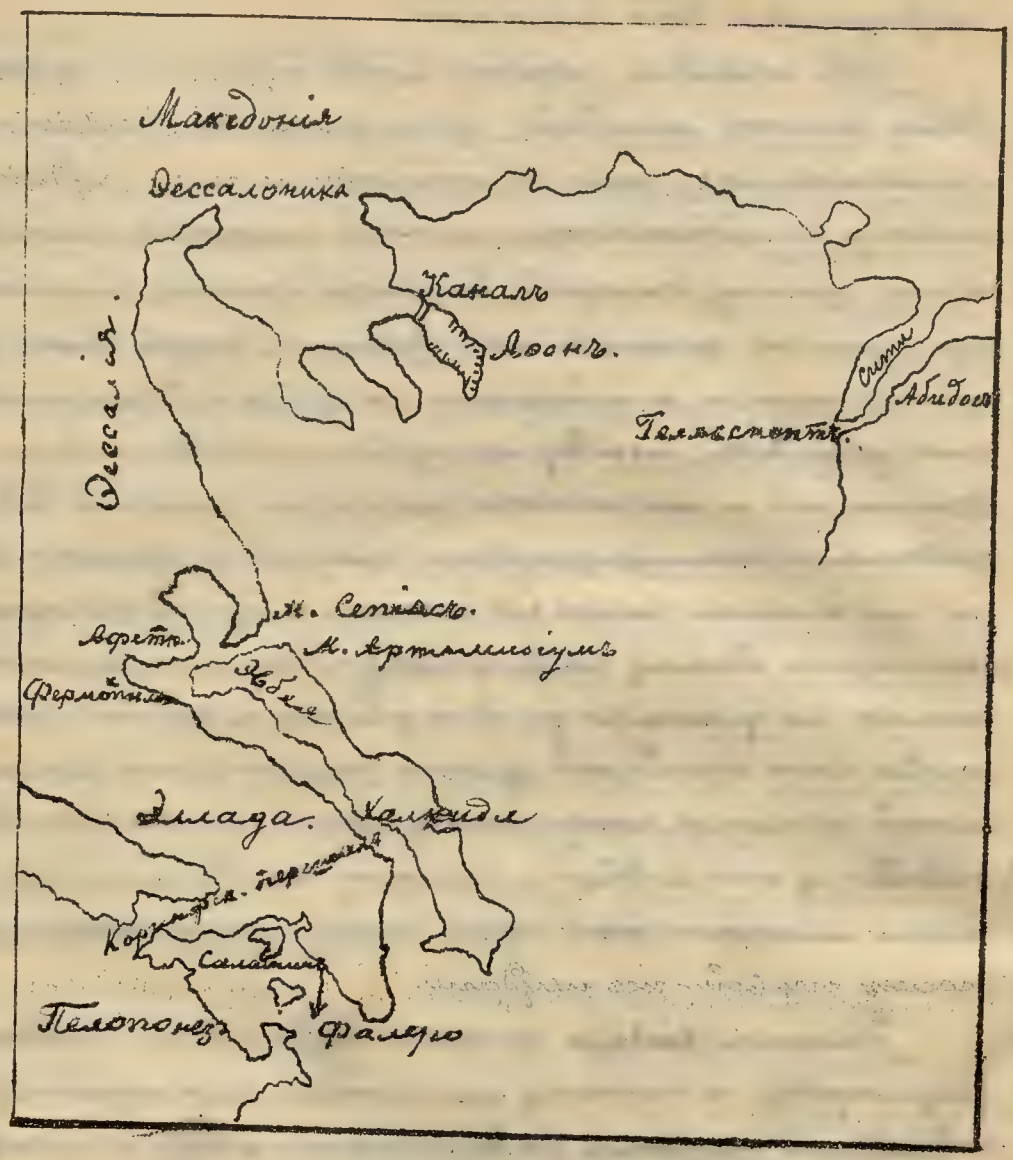
Но очевидно этотъ вновь созданный флотъ, будучи флотомъ молодой, уступавшій во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ качествѣ и силѣ судовъ, такъ и въ опытности личнаго состава, персидскому флоту, которой, большею частью, состоялъ изъ лучшихъ флотовъ того времени: персы своего флота не имѣли, а набирали его среди подвластныхъ имъ народовъ, между которыми находились и Финикіане и множество греческихъ колоній. Единственнымъ преимуществомъ греческаго флота было то, что большая часть его состояла изъ судовъ, принадлежащихъ одному государству - Эллинамъ, и личный составъ его сражался за свою родину и за свои семьи, тогда какъ персидскій флотъ внутренней связи никакой не имѣлъ, жизненнаго своего интереса въ победѣ у него не было и потому его внѣшняя чисто механическая связь легко могла исчезнуть послѣ первой-же неудачи.

Затѣмъ военныя греческія суда были меньшихъ размѣровъ, и потому они имѣли еще нѣкоторой небольшой перевѣсъ въ быстротѣ хода и маневрированіи.

Наконецъ весной 480 г. до Р.Х. Ксеркс тронулся въ путь и по двумъ наведеннымъ черезъ Геллеспонтъ мостамъ перебрался въ Европу, послѣ чего войско и флотъ соединились у мыса Сала.

Произведя здѣсь сначала смотръ своей арміи, Ксеркс перешелъ на роскошно изукрашенную триремму и обошелъ на ней весь свой флотъ, выстроенный въ одну линію носами къ берегу, послѣ чего данъ былъ сигналъ къ отправленію; армія направилась въ Македонію, опираясь правымъ флангомъ на берегъ

Генералъ-Квартирмейстеръ Вогдановичъ



по которому слѣдовали транспортныя суда, а военный флотъ прямо переплылъ къ косѣ, отдѣляющей гору Аѳонъ отъ материка, гдѣ для него былъ готовъ, вырытый по приказанію Ксеркса, каналъ, чтобы оградить флотъ отъ опасности разбиться у скалистыхъ береговъ Аѳона. Въ Фессалоникахъ армія и флотъ опять соединились и здѣсь Ксерксъ встрѣтилъ своихъ пословъ, отправленныхъ впередъ походомъ въ различные греческіе города требовать въ знакъ покорности „земли и воды"; Фессалія и большая часть городовъ Эллады прислали требуемое, —

Аттики и государства Пелопонеза отказать решительным отказом.

Въ то время как армія Ксеркса медленно, но строго вѣрно обманному плану, подвигалась на югъ, греки не могли похвастаться особымъ согласіемъ и теряли массу времени въ пререканіяхъ по поводу того, гдѣ встрѣтить непріятеля, а также кому начальствовать войсками и флотомъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, 7000 воиновъ подъ начальствомъ спартанскаго царя Леонида заняли Фермопильское ущелье, а флотъ въ числѣ 271 корабля, подчиненный спартанцу Эвриѳіаду, расположился у мыса Артемизіумъ; большая часть греческаго флота состояла изъ аѳинскихъ кораблей, подъ начальствомъ Ѳемистокла.

Армія и флотъ противниковъ встрѣтились одновременно.

Въ то-же время, когда персидская армія удѣлилась въ томъ, что Ѳермопилы заняты непріятелемъ, выслановые впередъ разъѣзды персидскаго флота донесли о позиціи греческой эскадры.

Поэтому персы не вошли въ проливъ между островомъ и материкомъ и съ наступленіемъ ночи расположились на якорь на совершенно открытомъ мѣстѣ, у мыса Сепіасъ. Ночь прошла благополучно, но къ утру задулъ свѣжій вѣтеръ съ моря и развелъ большую волну. Пытаясь вытаскивать суда на берегъ, но удобная для этого песчаная полоса оказалась слишкомъ мала, и во время трехъ-дневнаго штурма персы потеряли около 400 судовъ. Какъ только стихло, они спустили на воду свои суда, обогнули мысъ Сепіасъ и заняли позицію противъ города Аѳетъ, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мыса

стоянки греческого флота, так что теперь противники находились в виду друг у друга. Чтобы отрезать путь отступления грекам, если-бы им вздумали изъять Эллу, персы, не доходя до Аттики, отправили из 200 судов, которые должны были обойти Евбею и зайти грекам в тыл.

Таким образом у мыса Артемизиума персы имели теперь около 600 судов против 270 кораблей противника,- превосходство в силах очень большое, и напади в этот момент персы на греков, последним-бы не сдобровать, но вот именно эта посылка отряда в обход Евбеи и спасала их это сделать.

Действительно, раз было послано этот отряд, что для доведения задуманного плана до конца, надо было ждать, чтобы он действительно зашел неприятелю в тыл, или, по крайней мере, на столько-бы успел вперед, чтобы быть в состоянии ему преградить дорогу, если-бы тот вздумал отступить; однако для последней цели отряд этот был слишком мал, и вполне своей цели он достигал только в том случае, если-бы оба отряда персов могли одновременно напасть на греков. Таким образом, хотя это обходное движение и было предпринято главнокомандующим с целью наилучшим образом сосредоточить свою громадную силу против горсти неприятеля, но на самом деле эта цель не достигалась, а, напротив, до момента соединения у Артемизиума, персидский флот оказывался разделенным на две части, на каждую из которых неприятель мог направить всю свою силу.

Кромѣ того отрядъ персовъ, оставшійся у Дорет, находясь въ виду у несравненно слабѣйшаго непріятеля, лишилъ себя на болѣе или менѣе долгое время возможности самому начать бой въ тотъ моментъ, когда ему это будетъ удобно. Одушевленъ славою, вмѣсто того, чтобы подчинить дѣйствіе противника своимъ намѣреніемъ, персидскій адмиралъ самъ поставилъ себя въ зависимость отъ дѣйствій Еврибіада, такъ что инициатива боя оказалась на сторонѣ слабѣйшаго и притомъ обороняющагося.

Персы могли-бы еще достигнуть своей цѣли, если-бы они сѣумѣли скрыть отъ грековъ свои намѣренія.

Напр. если-бы персы, еще не входя въ проливъ, посредствомъ развѣдчиковъ, высмотрѣли-бы положеніе греческаго флота, выслали-бы этотъ отрядъ въ 200 судовъ въ обходъ, но сами-бы появились противъ грековъ, одновременно, когда обходный отрядъ подойдетъ съ тыла. Тогда всѣ преимущества были-бы на ихъ сторонѣ, да прибавилась-бы внезапность нападенія — самое сильное средство, чтобы еще до начала боя убить духъ атакованнаго.

Теперь-же, когда персы появились у грековъ въ виду и произошло нѣсколько стычекъ между отдѣльными судами, греки отъ пѣнныхъ узнали, какъ о гибели обходнаго отряда, такъ и потерѣ 400 судовъ во время шторма.

Фемистоклъ отлично понялъ, что медлить было нельзя, что грекамъ грозитъ гибель, когда персы завершатъ свой маневръ. Надо было воспользоваться тѣмъ, что персы раздѣлились, и напасть на одну изъ частей.

Но спрашивается — на которую?

Заманивши эвмелосъ напасть на часть, прилегающую съ тыла, гдѣ было всего 200 шириць, легче ее разбить; но Фемистоклъ сейчасъ-же соображаетъ, что стоитъ ему только двинуться къ ней на встрѣчу, какъ главныя силы персовъ устремятся сейчасъ-же за нимъ, и онъ этимъ только поможетъ выполненію плана персовъ, облегчивъ имъ возможность взаимной поддержки. Надо, слѣдовательно, напасть на главныя силы непріятеля, но они превосходятъ греческій флотъ втрое; единственная надежда на удачу — придумать такой способъ нападенія, чтобы сосредоточить весь свой флотъ противъ части персидскихъ силъ. Фемистоклъ положительно геніально разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Онъ понимаетъ, что главныя силы персовъ на время прикованы къ мѣсту и что сами они впередъ не двинутся.

И вотъ, незадолго до заката солнца греческій флотъ снимается съ якоря и направляется къ мѣсту стоянки непріятеля.

Персы поражены такой дерзостью, но по невозможности снимаются тоже съ якоря и идутъ на встрѣчу, такъ какъ принять бой на якорѣ невозможно, когда главное оружіе флота — таранъ.

Греки между тѣмъ не торопятся — они сознательно замедляютъ свой ходъ такъ, чтобы сойтись съ персами передъ самымъ закатомъ.

Но вотъ, наконецъ, солнце готово скрыться за горизонтомъ. Тогда на триремѣ Аристида медленно поднимается на фламштокъ щитъ, сигналъ для нападенія. По этому сигналу весь

греческій флотъ сразу даетъ полный ходъ, сомкнутой компактной массой бросается на одинъ изъ персидскихъ флотовъ, опрокидываетъ его и выбиваетъ изъ строя 30 триремъ.

Олимпиодоръ сначала внезапностью, оставшіе персидскіе суда со всѣхъ сторонъ спѣшатъ на помощь къ атакованному флоту, и не сдобровать-бы маленькой греческой эскадрѣ но.... въ это время солнце уже поспѣло уйти подъ горизонтъ, наступаетъ темнота и флоты должны разойтись, такъ какъ древніе флоты не могли сражаться въ темнотѣ и персы должны помириться съ потерей 30^ти^ триремъ.

На слѣдующій день фемистоклъ продѣлываетъ тотъ-же самый маневръ и опять удачно.

Да и дѣйствительно, единственный выходъ для персовъ недопустить грековъ до такого маневра, это самимъ напасть на нихъ, но тогда теряется вся сила побѣдки отряда въ засадѣ, тѣмъ они сами свяжутъ свою инициативу.

Здѣсь очевидно Фемистоклъ стремится къ тому, чтобы, въ виду превосходства непріятеля, сосредоточить всю свою эскадру противъ части непріятеля, и къ тому, чтобы нарушить у него взаимную поддержку, т.е. поставить себѣ вполнѣ правильную цѣль, которая можетъ быть указана теоріей, а путь, которымъ онъ до этого дошелъ, уже вполнѣ есть продуктъ его талантливости, творчества его ума, и никакая теорія эти пути указать не можетъ, уже хотя потому, что они, завися отъ обстановки, страшно разнообразны.

Для этого Фемистокл прекрасно воспользовался неподвижностью персов и элементом времени дня. В 5 часов самого боя они сумели выдвинуть вперёд свою сильную сторону - быстроту маневрирования и заставить слабую - малую численность.

На третий день персы решились наконец сами напасть на греков, но оказалось уже поздно. Греческая армия отступила от Фермопил и заняла позицию на Коринфском перешейке, а за нею последовал и флот, расположившись между островом Саламин и материком; на этом побережье должна была теперь решиться судьба тогдашнего греческого мира. Посланный персами в обход вдоль острова отряд был разбит наголову, и греки совершили свое отступление совершенно свободно, не встретив ни малейшего сопротивления.

Потеря Фермопил открывала свободный доступ Ксеркса в Элладу, а потому Афинам надо было ожидать появления персов в самом скором времени. Увлеченные красноречивыми убеждениями Фемистокла, которые ясно сознавали, что городские стены не защитят жителей от персов, афиняне решились покинуть свой родной город и перебраться всем мужским населением на корабли, а остальных на остров Саламин и в города Пелопонеза, находя, согласно словам Фемистокла, что всюду, где они смогут сохранить свою свободу, они найдут и отечество. Таким образом вместе с тем как-бы исполнилось и пророчество оракула, обещавшего

афинянам спасение задерживавшим отпаши.

Теперь у союзников съ подоспѣвшими подкрѣпленіями было 368 кораблей, изъ которыхъ 250 принадлежало Аѳинамъ.

Дѣйствительно, скоро Ксерксъ добрался до Аѳинъ, а персидскій флотъ спалъ на якорѣ въ бухтѣ Фалеро, въ числѣ тысячи двухсотъ судовъ; обманщіе аѳинскіе храмы произвели такое сильное впечатлѣніе на грековъ, что большинство рѣшило идти къ Коринѳскому перешейку, чтобы быть ближе къ арміи и отправленіе было назначено на слѣдующій день; рѣшенію этому не мало способствовали бѣгство въ составѣ флота пелопонезцы, желавшіе видѣть флотъ защищающимъ ихъ родные берега.

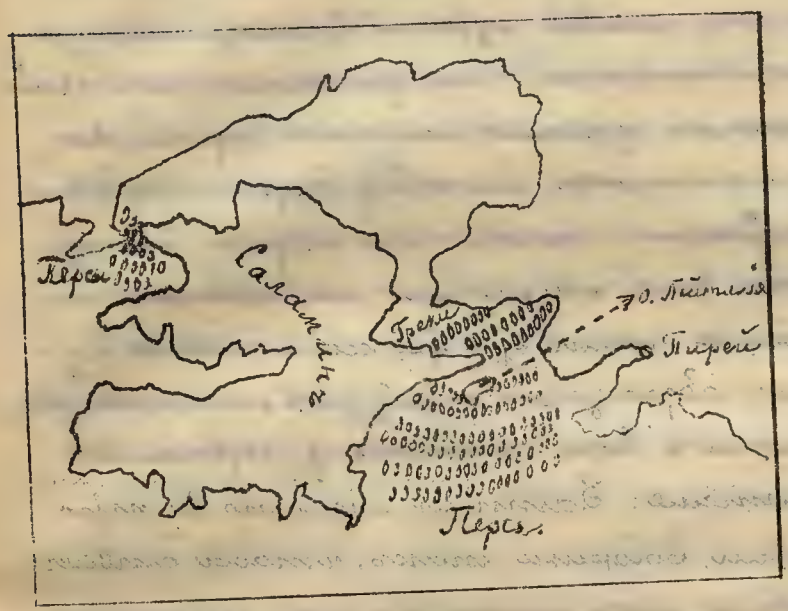
Тогда Ѳемистоклъ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, ночью отправился къ Аристиду и старался убѣдить его не покидать удобной позиціи, указать ему между прочимъ на то, что между солдатами распространяется паника, и если флотъ, перейдетъ въ мѣсто удобное для дезертирства, что его авторитета недостаточно, чтобы удержать ихъ на судахъ, и что тогда они останутся безъ флота, а Греція безъ защиты. Евридіадъ, прежде чѣмъ рѣшиться послѣдовать совѣту аѳинскаго адмирала, созвалъ военный совѣтъ. Сначала всѣ возстали противъ предложенія Ѳемистокла, но послѣднему удалось убѣдить совѣтъ, что, находясь въ узкомъ проливѣ, они могутъ еще противупоставить персамъ одинаковое число судовъ по фронту, между тѣмъ какъ на другомъ болѣе открытомъ мѣстѣ, персы развернувшись легко охватятъ со всѣхъ сторонъ мало-

численный греческий флотъ, который неминуемо долженъ погибнуть въ неравной борьбѣ: наконецъ мнѣнія фемистокла восторжествовало и Евриѳіадъ отдалъ приказаніе флоту остаться въ Саламинскомъ проливѣ.

Какъ разъ въ это время собрался военный совѣтъ и у персовъ на одномъ изъ военныхъ кораблей, причемъ почти единогласно рѣшено было атаковать греческій флотъ; противъ этого мнѣнія возстала однако Артемиза-царица Галикарнаса, предложившая отправить флотъ къ берегамъ Пелопонеза, въ тылъ греческой арміи, а войска къ Коринѳскому перешейку; морского-же сраженія она совѣтовала избѣгать всѣми средствами, въ виду удобной позиціи греческаго флота. Ксерксъ, желая примирить противныя мнѣнія, приказалъ арміи двинуться къ перешейку, а флоту быть готовымъ идти въ Саламинъ.

Движеніе арміи произвело эффектъ, которой предвидѣла хитрая Артемиза; какъ только греки узнали объ этомъ, вновь поднялись голоса, требовавшіе идти на помощь къ Пелопонезу; вновь былъ созванъ военный совѣтъ и фемистоклъ, видя что противное мнѣніе повѣдомлену возьметъ верхъ, рѣшился на послѣднее отчаянное средство. Черезъ преданнаго человѣка онъ извѣстилъ Ксеркса, что аѳиняне готовы перейти на сторону персовъ, но что остальные греки, подозрѣвая это, намѣреваются уйти изъ пролива. Увѣренные въ легкой побѣдѣ, персы въ ту-же ночь отправили сильный отрядъ къ западному выходу изъ пролива и высадили отрядъ войска на островокъ Пситталію, около

которого собирались произвести нападение с фланга. Аристид, возвращавшийся как раз в это время с острова Имвры и видевший передвижение персов, явился в военный совет и заявил, что все выходы из пролива заняты неприятелем; тогда бесполезные пререкания были оставлены и греки начали готовиться к битве. Греческий поэт Эсхил, очевидец сражения, живо изображает нам, как с одной стороны по аттическому берегу, с высокого холма смотрел на это ожесточенное морское побоище всемирный царь и повелитель всей Азии, окруженный своею блестящей свитой и секретарями, которые должны были описывать ход сражения, а с другой — на берегу Саламина, с тревогою ожидали исхода сражения жители бедного городка и тысячи несчастных афинских беглецов, нашедших здесь приют.



Рано утром (20 Октября 480 г. до Р. Х.), как только поднялся Ксеркс на холм, персидский флот двинулся к проливу; до острова Пситтайи они еще кое-как сохранили строй, но здесь им приходилось биться на двух частях, что произвело не малый беспорядок;

кромѣ того персамъ приходилось бороться противъ довольно сильнаго противнаго вѣтра, что было очень трудно съ ихъ высокими тяжелыми судами, поставленными одно на другое.

Фемистоклъ, не имѣя теперь въ своемъ распоряженіи инициативы боя, все свое вниманіе обратилъ на то, чтобы извлечь всевозможную выгоду изъ мѣстности. Онъ расположилъ свой флотъ въ такомъ узкомъ мѣстѣ пролива, что все пространство между берегами было занято его судами, такъ что персы въ первый моментъ боя не могли поставить по фронту бо́льшее чѣмъ у него количество судовъ; такимъ образомъ, пользуясь мѣстностью, онъ сосредоточилъ всю свою силу, противъ части непріятеля. Затѣмъ мѣсто въ проливѣ имъ было выбрано такъ, чтобы отвлечь персовъ подальше отъ опорнаго ихъ пункта, острова Пситталіи, тогда какъ его суда имѣли сейчасъ-же сзади себя берегъ, что всегда, какъ уже это было указано выше, имѣло самое благотворное вліяніе на подъемъ духа команды. Когда персы вошли въ проливъ, бой завязался съ одинаковымъ жаромъ съ обѣихъ сторонъ. Ариѳменъ, братъ Ксеркса, велъ лѣвый флангъ персовъ, и, съ высоты своего корабля, самаго сильнаго во всемъ флотѣ, осыпалъ грековъ градомъ стрѣлъ и копій; однако, не смотря на это, греческія триремы праваго крыла, которыми начальствовалъ Фемистоклъ, стремительно бросились на этотъ корабль, нанесли ему сильныя поврежденія таранами и прицѣпились къ нему съ двухъ сторонъ; тогда

съ своей стороны Аріаменъ, сопровождаемый отборными войсками бросился на абордажъ на одного изъ непріятелей, на палубѣ котораго, какъ ожесточеннаго боя, онъ палъ подъ ударами враговъ и убитъ свалился въ море. Смерть брата царя произвела такое впечатлѣніе на египтянъ, составлявшихъ весь лѣвый флангъ персидскаго флота, что они обратились въ бѣгство, самые смѣлые за ними капрскіе суда, причемъ очень многіе изъ нихъ попали, гдѣ ихъ преслѣдовали греки.

Этимъ временнымъ замѣшательствомъ воспользовался Аристидъ, перебравшись на островъ Пситалію и занялъ его со своими войсками, лишивъ такимъ образомъ персидскій флотъ опорнаго пункта. Все это повело къ тому что персы на лѣвомъ флангѣ замедлили съ новой атакой, чѣмъ немедленно воспользовался Ѳемистоклъ, не увлекшійся преслѣдованіемъ и быстро перешедшій со всѣми своими судами на помощь пелопонезцамъ, которыхъ сильно тѣснили іонійцы, составлявшіе правое крыло персовъ. Такимъ образомъ ему вновь удалось сосредоточить всю свою силу противъ части непріятеля, что повело за собою отступленіе и этого крыла персовъ, которые опрокидывая сзади идущіе суда, старались въ полномъ безпорядкѣ спастись въ бухту Фалеро, и теперь уже Ѳемистоклъ со всѣми силами бросился ихъ преслѣдовать, чтобы не далъ имъ опомниться и возобновить свою атаку. Кромѣ 200 судовъ потопленныхъ греками, персы потеряли еще много кораблей взятыхъ въ плѣнъ, тогда какъ

потери греков не превышали 40 триремъ.

На слѣдующій день греки ожидали вторичнаго нападенія и готовились къ отпору, но этого нападенія не послѣдовало, потому что въ тотъ именно день происходили въ персидскомъ лагерѣ, между тѣмъ начальники людьми весьма важныя переговоры. Мужественный отпоръ, данный греческимъ флотомъ персидскому, былъ неожиданностью, которая въ значительной степени разстроивала планы персовъ; хотя походъ до Саламинской битвы и имѣлъ вполнѣ успѣшно, однако-же теперь становилось очевидно, что съ греками скоро не справиться и что раздавить ихъ однимъ напоромъ невозможно; а между тѣмъ уже начинали сказываться тѣ неудобства, съ которыми сопряжено было содержаніе громадной арміи въ странѣ чужой; теперь-же, когда греческій флотъ удержалъ такую позицію надъ флотомъ персидскимъ, подвозъ припасовъ моремъ могъ затрудниться и довести армію до голодной смерти. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, въ Греціи рѣшено было оставить только одинъ корпусъ въ 300,000 человѣкъ, а остальное войско и флотъ направились назадъ.

Такимъ образомъ эта побѣда на морѣ, заставила отступить громадную армію, не только не потерпѣвшую какого-либо пораженія, но не встрѣтившую ни разу сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія.

Греки не преслѣдовали персидскій флотъ. Правда Фемистоклъ, этотъ нѣсколько древности, считавшій что дѣло не можетъ считаться конченымъ, пока еще непріятель

не истребленъ весь, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы удѣлить свалась сотоварищей броситься въ погоню за разбитымъ и уравнимъ духомъ противникомъ, но Евриѳіадъ и немогузнайка и слышать не хотѣли объ этомъ. Они убѣдили въ томъ, что нахъ легко избавившись отъ страшнаго врага и считали роль флота покончонной, совершенно упустая изъ вида, что имѣнно теперь только флотъ могъ нанести противнику окончательный смертельный ударъ, помѣшавъ ему переправиться назадъ въ Азію, черезъ Геллеспонтъ.

Между тѣмъ Ксерксъ отступалъ, послалъ дѣйствительно свой флотъ прямо къ Геллеспонту, для обезпеченія переправы.

Отступленіе это оказалось страшно тяжелымъ для персидской арміи. Пришлось идти по странѣ уже разоренной, скоро оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, появилась дизентерія, а вслѣдъ за нею и чума, и когда черезъ 45 дней подошли къ Геллеспонту, они находились въ самомъ плачевномъ состояніи и оказались-бы легкой добычей даже для очень слабаго противника.

Мосты оказались снесенными бурей и теченіемъ, но къ счастью персидскій флотъ былъ здѣсь и черезъ нѣсколько дней Ксерксъ съ остатками своей арміи былъ въ полной безопасности и въ странѣ, гдѣ не было недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Легко себѣ вообразить что-бы случилось, если-бы греки послушались Ѳемистокла, разсѣкли-бы персидскій флотъ и въ Геллеспонтѣ преградили-бы Ксерксу дорогу.

Неудача экспедиціи заставила Ксеркса опасаться возстанія іонійскихъ грековъ, а по-

тому ему пришлось оставить здесь слабый отряд войска и весь флот, который держать в страхе всех приближающихся к Малой Азии острова.

Между тем Фемистокла постигла участь всех великих афинских людей; достаточно ему было выдвинуться из толпы, чтобы поднялись против него вражда и зависть и ему пришлось удалиться в изгнание. Но с уходом Фемистокла греки оставили к флоту, который являлся для них собственно новшеством, и к началу следующей кампании, т.е. к весне, союзники собрали флот вторая меньший, чем в прошлом году, т.е. всего 110 кораблей. Теперь начальствовали над ним спартанец Леотихид и афинянин Ксантипп.

И вот как раз, когда греческий флот оказался таким слабым, ему представилось широкое поле для его деятельности. Из Ионии весной прибыли в Грецию посланцы с предложением — восстать против персов, если к их берегам будет отправлен греческий флот. Сравнительная слабость заставляет греческих адмиралов действовать нерешительно — они доходят до острова Делоса и здесь остаются все лето и только осенью решаются появиться перед Самосом, где уже второй год стоит персидский флот.

Днища его кораблей успели за это время густо зарасти травой, убыли из среды экипажей заменены новыми неопытными людьми, поражение при Саламине еще не успело потерять своего обаяния, и появление греческого флота произвело

Литография К. Кириллова (13.0.8 л. № 1.).

Греческая - Персидская Кампания

настоящую паники. Персидский флотъ поспѣшно отступаетъ къ материку, направляется къ адмиралу съ тѣмъ, чтобы вывезти у города Микале, гдѣ персы вытаскиваютъ свои суда на берегъ, окружаютъ ихъ каменной кладкой и помѣщаютъ и въ такомъ положеніи ожидаютъ нападенія.

Бѣгство противника придаетъ грекамъ смѣлости; они почти по пятамъ слѣдуютъ за персами и высаживаются у Микале на берегъ до 20,000 воиновъ.

Помѣшать десанту въ то время было очень трудно, такъ какъ суда прямо врѣзывались въ берегъ, а средства поражать противника на разстояніи не было.

Около персидскихъ судовъ завязывается ожесточенный бой и переходъ ионянъ на сторону грековъ рѣшаетъ дѣло, — персы оказываются разбитыми.

Даже послѣ такого успѣха, спартанскій адмиралъ и его соотечественники выказываютъ желаніе возвратиться домой, но противъ этого возстаетъ Ксанѳиппъ; греческій флотъ остается у береговъ Малой Азіи впродолженіи цѣлаго года и послѣдствіемъ этого является окончательное освобожденіе Іоніи отъ персидскаго владычества.

Переходя къ стратегическому разбору этой кампаніи, прежде всего бросается въ глаза странная, неестественная роль, которую въ ней вообще играетъ флотъ. Дѣйствительно, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, флотъ представляетъ

собою не самостоятельную силу, преследующую отдельные специальные цели, а как-бы лишь часть армии посаженной лишь на суда.

Таким образом персидский флот все время двигается на глазах флота персидской армии, и также оказывается как-бы принадлежащ к своей армии и греческая эскадра, и флоты сходятся у Артемизиума лишь тогда, когда сходятся у Фермопил противные армии. Греческая армия отступает от Фермопил, отступает за ней и флот, и вторая морская битва при Саламине происходит лишь тогда, когда персидская армия занимает Афины. Наконец персидская армия отступает и за ней следует флот, но греческая армия остается на месте, и греческий флот тоже не преследует отступающего противника. Таким образом идея об обладании морем и о вытекающих отсюда особых задачах флота не существует.

Посмотрим теперь, какой оборот могла-бы принять та-же самая кампания, если-бы сознавался основной принцип морской стратегии.

Для персов весь успех их кампании зависел от того, могла-ли пробиться их огромная армия во время похода; сопротивление же греков они опасались очень мало, на столько велико было неравенство в силах, да и последующие события вполне оправдали это предположение, так как греки на сухом пути действительно не оказали персам никакого сопротивления.

Пробившаяся персидская армия средствами

страны не могла, надо было подвозить припасы морем, и единственно что могъ этому помѣшать,- это былъ греческій флотъ. Такимъ образомъ персидскому флоту слѣдовало, раньше чѣмъ вступила въ походъ армія, отправиться къ греческимъ берегамъ и попробовать, пользуясь своимъ преимуществомъ въ числѣ, его уничтожить.

Если-бы это ему удалось, успѣхъ похода, на сколько онъ зависѣлъ отъ продовольствія арміи, былъ-бы обезпеченъ. Если-бы же онъ потерпѣлъ пораженіе, то очевидно пришлось-бы персамъ отъ похода отказаться.

Такимъ образомъ пораженіе персидскаго флота привело-бы къ тому-же результату, которой получился и на самомъ дѣлѣ, т.е. къ неудачѣ экспедиціи, но съ громадной для персовъ выгодой, такъ какъ все армія и громадныя на нее затраты были-бы сохранены и не такъ пострадалъ-бы престижъ персовъ среди подвластныхъ имъ народовъ.

Съ другой стороны, греки еще за нѣсколько мѣсяцъ знали о приготовленіяхъ персовъ, и потому имъ слѣдовало, поторопившись съ изготовленіемъ эскадры, отправить ее къ берегамъ Малой Азіи, раньше чѣмъ персы вступили въ походъ. Эскадра эта легко могла помѣшать сформированію персидскаго флота, разбивая по частямъ небольшія отряды, вооружавшіеся въ портахъ различныхъ мелкихъ государствъ, и конечно это легче было сдѣлать теперь, нежели сражаться съ ними при Артемизіумѣ и Саламинѣ, гдѣ они уже оказались соединенными. Тогда если-бы это имъ удалось, персы въ походъ вступить-бы не могли, а слѣдовательно

подъѣзды греческаго флота привели - бы къ тому-же конечному результату, который оказался и въ дѣйствительности, т.е. къ неудачѣ экспедиціи, но съ громадной для грековъ выгодой, такъ какъ не пришлось - бы расходоваться на содержаніе арміи и страна вплоть до Коринѳскаго перешейка не оказалась - бы превращенной въ пустыню.

Развитіе тактики послѣ боя при Саламинѣ.

Какъ было указано выше, во время похода Ксеркса тактика находилась еще въ младенческомъ состояніи, вырабатывать было лишь типъ военнаго судна - триремы, и установлено было главное оружіе флота - таранъ.

Для разработки - же тактики требовался теперь - лишь опытъ и дѣйствительно недостатка въ немъ не было, благодаря цѣлому ряду войнъ между Аѳинами и Спартой, извѣстныхъ подъ названіемъ пелопонезскихъ. При этомъ Спарта очень долго флота не имѣла и главнымъ образомъ подвинули впередъ морскую тактику аѳиняне.

Въ это время появились совершенно правильные строи, какъ для похода, такъ и для боя. Напр. аѳинскій навархъ Пейсистратъ, слѣдуя изъ Аѳинъ къ острову Кипру, по дорогѣ все время дѣлаетъ перестроенія по сигналамъ, причемъ триремы изъ строя кильватера, развертываются въ строй фронта, и затѣмъ перестраиваются въ строй клина. Весь переходъ онъ дѣлаетъ на веслахъ, чтобы напрактиковать своихъ гребцовъ въ гребьбѣ. Для той-же цѣли, каждый разъ какъ обстоятельства

это позволяетъ, онъ устраиваетъ между своими тріремами оригинальную гонку.

Обыкновенно объѣздъ дѣлался на берегу, и вотъ передъ объѣздомъ онъ выстраиваетъ эскадру въ струй кильватера, и направляется въ море. Отойдя отъ берега на достаточное разстояніе, наварха, а за нимъ послѣдовательно и всѣ тріремы, поворачиваютъ послѣдовательно на 8 румбовъ и идутъ вдоль берега. Затѣмъ по сигналу наварха, всѣ вмѣстѣ поворачиваютъ вновь на 8 румбовъ и полнымъ ходомъ идутъ къ берегу. Опоздавшіе, получаютъ худшіе куски и должны торопиться объѣхать, такъ какъ къ концу объѣда назначено опредѣленное время.

Искусство владѣть тараномъ должно до высокой степени совершенства. Какъ извѣстно во время таранной бои главную цѣль надо себѣ поставить попасть внутрь круга циркуляціи противника. Маневръ этотъ трудѣнъ и въ одиночномъ бою, а между тѣмъ существуютъ указанія, что одинаковымъ числомъ этотъ маневръ производятъ цѣлой эскадрой и тѣмъ наводятъ такой ужасъ на своихъ противниковъ, что тѣ уклоняются отъ боя, обыкновенно даже вдвое бо́льшими силами.

Первый пріемъ состоялъ въ томъ чтобы прорѣзать непріятельскую линію и носитъ названіе „Діекплоусъ". Затѣмъ надо было быстро повернуть на 16 румбовъ и, предупредивъ противника, войти въ кругъ его циркуляціи. Этотъ второй пріемъ тоже имѣетъ особое названіе „Анастрофе."

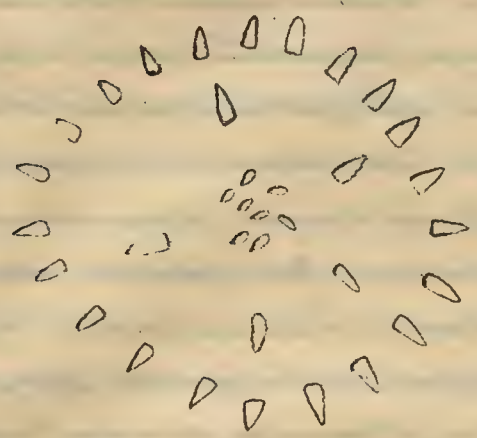
Сражение при Патрасъ и Навпактъ.

Въ 429 году до Р. Х., Спарта, обладавшая очень незначительными морскими силами, вступила въ союзъ съ Коринѳомъ, который могъ выставить флотъ въ 47 судовъ. Въ это время афинскій адмиралъ Форміо находился въ Навпактъ (на сѣверномъ берегу Патрасскаго залива) всего съ 20 ю судами, и долженъ былъ помышлять соединенію спартанцевъ съ коринѳянами.

Не ожидая, что Форміо съ такими малыми силами рѣшится на нихъ напасть, коринѳскіе адмиралы Макаонъ, Изократъ и Агатархидасъ, направились мимо Навпакта къ выходу изъ залива, чтобы пройдя Малые Дарданеллы, перейти къ сѣверному берегу, гдѣ находились спартанцы. Форміо между тѣмъ снялся съ якоря и, держась подъ берегомъ, все время слѣдилъ за непріятелемъ, и когда послѣдній повернулъ къ сѣверу, онъ отдалился отъ берега и направился прямо на него.

Не смотря на свое численное превосходство, коринѳяне не рѣшаются вступить съ Форміо въ бой на открытомъ мѣстѣ, а напротивъ приближаются около Патраса къ берегу, и выстраиваются въ такой строй, который, по ихъ мнѣнію, можетъ помѣшать афинянамъ пустить въ дѣло свой излюбленный пріемъ.

Триремы ихъ образуютъ кругъ, носами наружу, за ними помѣщаются 5 самыхъ сильныхъ судовъ, которые должны помѣшать прорѣзанію строя, а въ центрѣ становятся мелкія слабыя суда.



Позиція конечно сильная но, по самому существу дѣла, допущена крупная ошибка. Дѣйствительно, болѣе сильный флотъ, занявъ оборонительное положеніе, этимъ самымъ отнимаетъ отъ себя преимущество въ числѣ, такъ какъ наоборотъ, онъ можетъ пустить въ дѣло всю свою силу, и раздавить противника числомъ. При такомъ же положеніи болѣе слабый можетъ выбрать, какъ моментъ для боя, такъ и то мѣсто въ строю противника, которое ему покажется болѣе слабымъ и куда онъ можетъ направить всю свою силу. Затѣмъ болѣе слабый можетъ воспользоваться всѣми представившимися случайными обстоятельствами.

Случайности могутъ конечно оказаться и на сторонѣ болѣе сильнаго, но для него онѣ будутъ всегда менѣе выгодны, чѣмъ для слабаго, а потому именно болѣе сильному надо принять все средства къ тому, чтобы не допустить вліянія случая.

Форлио-же съ своей стороны прекрасно воспользовался предоставленнымъ ему преимуществомъ. Не рѣшаясь атаковать противника занимающаго такую сильную позицію, онъ совершенно правильно разсчитывалъ, что позиція эта можетъ лишь быть сохранена

пока нѣтъ волненія, а потому онъ въ линіи флюгера ходитъ взадъ и впередъ мимо карѳагенской эскадры, ожидая вѣтра, которой, какъ ему хорошо извѣстно, долженъ задуть въ извѣстный часъ. Дѣйствительно вскорѣ начинается вѣтеръ, въ заливѣ начинаетъ ходить волна, карѳагенскія суда съ трудомъ удерживаютъ свое мѣсто, спотыкаются и скоро приходятъ въ совершенный безпорядокъ. Этимъ моментомъ пользуется Сципіонъ, стремительно бросается со всѣми своими силами туда, гдѣ въ особенности нарушенъ непріятельскій строй, и уничтожаетъ у него 12 триремъ, послѣ чего остальныя обращаются въ безпорядочное бѣгство.

Такимъ образомъ здѣсь Сципіонъ, для сосредоточенія своихъ силъ и нарушенія у непріятеля взаимной поддержки, пользуется элементомъ погоды.

Карѳагенскіе-же адмиралы сдѣлали капитальную ошибку, передавъ инициативу боя въ руки болѣе слабаго противника, и принявъ сраженіе противъ непріятеля прекрасно владѣющаго маневромъ, оставаясь на мѣстѣ.

Однако все-таки бѣжавшимъ карѳагенянамъ удалось соединиться со спартанцами и теперь союзный флотъ состоялъ уже изъ 67 судовъ. Получивъ съ своей стороны извѣстіе изъ Долиха о томъ, что ему поставлено подкрѣпленіе, Сципіонъ рѣшилъ избѣгать боя и занялъ у берега сильную позицію. Союзники, сдѣлавъ нѣсколько попытокъ вызвать его на бой, рѣшились наконецъ обмануть его въ морѣ хитростью, и снявшись съ якоря, направились къ Непаксту. Это движеніе заставило призадуматься Сципіона.

Некакта была главным опорным пунктом афинян в Патрасском заливе, и потеря этого порта могла гибельно отозваться на общем ходе войны. Вследствие этого они решились покинуть свою позицию, и тоже направиться на восток, держась как можно ближе к берегу и двигаясь таким образом параллельно противнику. Тогда союзники, заманив Формио достаточно далеко, сразу повернули на 8 румбов и бросились на афинскую эскадру, с целью ее окружить и всю уничтожить. Однако маневр оказался не совсем хорошо рассчитан, и им удалось отрезать у Формио лишь 9 задних триер, которые и были ими взяты на абордаж. Увлеченные успехом, союзники бросились преследовать уходившихся в Некакту афинян, причем совершенно нарушили свой строй и растянулись на большое расстояние. Передь самым входом в порт, спартанская адмиральская триера почти настигла кормовой корабль афинян и уже считала его своим вторым призом, как вдруг мать исчезь за столпившимся у дороги на якорь коммерческим судном и повернув за ним на 8 румбов, врезался своим тараном в спартанца и пустил его ко дну. Внезапная гибель адмирала произвела замешательство в союзном строю, и этим сейчас-же воспользовался Формио. Он быстро повернул, сосредоточил всю свою триеру против передовых неприятельских, выскочивших вперед, пустил несколько ко дну, другими завладел абордажем и произвел этим неожиданным маневром такую панику у союзни-

ков, что тот обратится в безпорядочное бегство, оставив в руках Сципиона, кроме ничтожных своих судов, также африканские триремы, отнятые во время предыдущего боя.

Достаточно было этого очерка одной из операций Пелопонезской войны, чтобы видеть, что в ней флот уже играл совершенно самостоятельную роль и уже не считался составною частью армии.

Липарское сражение.
260 г. до Р. Х.

До первой пунической войны римляне почти не имели флота, да и не сознавали его необходимости, пока они вели войны с государствами также не имевшими флота и до которых можно было достигнуть сухим путем. Но вот, задумавши присоединить к своим владениям Сицилию, они столкнулись с Карфагенянами и тут они увидели ясно, что дело не может подвинуться вперед, пока они не будут иметь военного флота, способного очистить море от карфагенских кораблей, прекращавших сообщение сицилийской армии с материком и раззорявших берега римских владений.

Однако одного сознания необходимости флота было еще мало; надо было его создать; а между тем римляне не имели ни искусных строителей, ни опытных моряков, ни даже модели, по которой они могли-бы строить свои суда; но не в характере римлянина было останавливаться

перед какими-бы то ни было препятствиями и въ этомъ предпріятіи, какъ и во всѣхъ другихъ, проявилась его обычная энергія и патріотизмъ, которые скоро должны были спасти отъ опасности Римъ. Воспользовавшись тѣмъ, что во время бури на римскій берегъ было выкинуто одно изъ военныхъ карѳагенскихъ судовъ, сенатъ приказалъ немедленно приступить къ постройкѣ ста шестидесяти военныхъ кораблей по его образцу и, черезъ два мѣсяца послѣ начала работъ, корабли уже стояли на якорѣ, готовые къ отплытію; „какъ будто-бы" говоритъ одинъ изъ современныхъ поэтовъ „деревья не были обращены рукой человѣка, а прямо, по волѣ боговъ, превратились въ корабли".

Пока строились суда, такъ же энергично подготовлялся и личный составъ; гребцы разсаживались на берегу въ томъ порядкѣ, какъ они должны были сидѣть на корабляхъ, и пріучались согласно, по командѣ, производить руками всѣ движенія, какъ при настоящей гребли; какъ только были отдѣланы корабли, ученье неукоснительно продолжалось уже на водѣ. Первый выходъ римлянъ въ море оказался однако неудачнымъ; консулъ Корнелій, назначенный командовать флотомъ, попался въ ловушку, поставленную ему Ганнибаломъ.

Посланцы хитраго карѳагенскаго вождя увѣрили консула, что Липарскіе острова отдадутся римлянамъ, какъ только тѣ тамъ появятся, и напали Корнелій, отправивши всего съ семнадцатью судами къ этимъ островамъ, приказавши остальному флоту, какъ только онъ будетъ окончательно вооруженъ,

спуститься къ югу и идти въ Мессину. Тогда Аннибалъ отрядилъ сильную эскадру подъ начальствомъ Бода въ крейсерство къ Липарскимъ островамъ; при появленіи римлянъ Бодъ, хотя и обладалъ большимъ численнымъ превосходствомъ, но опасаясь испытаннаго мужества римскихъ воиновъ, постарался избѣжать сраженія, а потому прибѣгъ къ хитрости; онъ пригласилъ консула со всѣми командирами къ себѣ на корабль, чтобы дружески совмѣстно обсудить причины разногласій между Римомъ и Карѳагеномъ и положить этимъ основаніе миру; Корнелій лишь неосторожность положился на честность Бода, но, какъ только римляне появились на палубѣ карѳагенскаго корабля, они были схвачены, закованы въ цѣпи и отправлены въ Карѳагенъ; римскія суда, лишась своихъ командировъ, сдѣлались въ тотъ день безъ боя. Зато черезъ нѣсколько времени Аннибалъ, желая произвести разъѣздку, съ нѣсколькими судами наткнулся на весь остальной римскій флотъ идущій въ Мессину и едва-едва избѣжалъ плѣна, потерявъ всѣ бывшія съ нимъ суда.

Прибывъ въ Сицилію, р. мене узналъ о захватѣ Корнелія съ его отрядомъ въ плѣнъ, а потому оставшись безъ адмирала, сейчасъ же отправилъ пословъ къ консулу Дуцилію, который немедленно прибылъ и принялъ начальство надъ флотомъ, близкое знакомство съ которымъ навело его на грустныя размышленія.

Дѣйствительно, римскія суда оказывались очень тяжелыми и неповоротливыми, а мехъ-

Ду тым современное тактическое искусство предписывало быстро маневрировать вокруг неприятеля и, выбравши удобный момент, ломить ходом ударить его тараном. „Если-бы мы еще могли" говорил Дуилий, крепко сцепившись с карфагенянами, что можно было-бы надеяться, что мои солдаты, привычные к бою на суше, одолели-бы неприятеля". Соображение консула не остались безъ результата, так как один из его подчиненных предложил использовать придуманную им систему перекидных мостов, подъ названием „ворон" мысль понравилась консулу, работа закипела, скоро все римские корабли были снабжены новыми оружием и Дуилий отправился к Липарским островам, где надеялся встретить карфагенский флот. Карфагенский адмирал, полный презрения к неприятелю, на которого он смотрел, как на только невыгоду в морском деле, не позаботился даже выстроиться в боевой порядок, и только приказал его триреме, бывшей впереди, начать атаку; римлане сейчас-же пустили в дело свое новое изобретение, сцепились с карфагенскими судами и быстро и смело взели их на абордаж. Опомнившись, Ганнибал старался выстроить свой флот и метить римлянам в добычу, но все попытки к этому оказались тщетными: он был с уроном отбит и должен был бежать с места сражения, оставивъ въ руках неприятеля 31 корабль и 7000 пленных; кроме того 14 кораблей было потоплено римлянами и на них погибло около 3000 человек.

Такимъ образомъ Дуилій выигралъ сраженіе, благодаря возможности сосредоточивать всѣ свои силы поочередно на различныхъ частяхъ непріятеля. Конечно это зависѣло не отъ него, а отъ ошибки непріятеля, но тѣмъ не менѣе причина успѣха остается все-таки-же. Затѣмъ еще можно замѣтить, что и теперь сухопутныя войска совершенно не зависятъ отъ арміи, и сосѣдятся съ трудомъ получить обладаніе водами, окружающими Сицилію. Оригиналенъ тотъ пріемъ, къ которому прибѣгнулъ Ганнибалъ, чтобы избавиться отъ наказанія, которое его очевидно ожидало за это пораженіе; онъ отправилъ въ Карѳагенъ, гдѣ еще не знали объ исходѣ сраженія, одного изъ своихъ командировъ, который, явившись въ сенатъ, выразился такъ: „Ганнибалъ прислалъ меня сюда, чтобы сенатъ далъ-бы ему указаніе, долженъ-ли онъ атаковать римскій флотъ? Непріятель оказался настолько дерзкимъ, что онъ осмѣлился появиться на морѣ съ довольно большимъ количествомъ кораблей, такъ тяжело построенныхъ, что ихъ скорѣе можно принять за грузовые суда. Это ихъ первый опытъ, они совершенно неопытны въ морской войнѣ, и все-таки они осмѣливаются насъ не бояться; правда, на носахъ ихъ кораблей видны какія-то машины, назначеніе которыхъ намъ неизвѣстно. Теперь надо рѣшить, слѣдуетъ-ли намъ оспаривать у нихъ господство надъ моремъ, или можно ихъ позволить свободно разорять наши берега." Выслушавъ это, всѣ сенаторы воскликнули въ одинъ голосъ: „Пусть будетъ дано сраженіе и пусть будутъ наказаны римляне

за свою дерзость." „Вотъ и Аннибалъ думалъ такъже, какъ вы" отвѣтилъ на это посланный, „но, что вы приказываете, онъ уже сдѣлалъ, и, если судьба ему измѣнила, то нѣжныя ея капризы могутъ сдѣлать его виновнымъ".

Максимъ образазалъ, вмѣсто смерти, Аннибалъ отдѣлался только лишеніемъ командованія флотомъ, между тѣмъ какъ его счастливому противнику воздавались въ Римѣ небывалыя почести; сенатъ опредѣлилъ Дуилію за этотъ подвигъ блистательный тріумфъ и сверхъ того, въ знакъ особенной почести, полозкилъ сопровождать его по вечерамъ факелами и музыкою, а въ память этого событія на форумѣ была воздвигнута колонна, украшенная корабельными носами.

Сраженіе у мыса Экнома.
256 г. до Р. Х.

Долго не могъ оправиться карѳагенскій флотъ отъ жестокаго удара, нанесеннаго ему римлянами при Липарскихъ островахъ. Сицилійскіе гавани одинъ за другимъ перешли во власть римлянъ, которымъ совершенно безнаказанно помогалъ ихъ флотъ; римскіе моряки, увѣренные теперь въ себѣ, неоднократно пытались вызвать на бой карѳагенскіе корабли, но тѣ упорно уклонялись сраженія и прятались по портамъ при приближеніи римлянъ. Только тогда, когда узнали они, что римляне готовятся перенести театръ войны въ Африку, опасеніе за свои совершенно

незащищенные берега заставило нас перейти из оборонительного положения в наступательное: римлянам было напасть на римский флот во время перехода его от Сицилии к берегам Африки, и с этою целью 350 судов под начальством Гамилькара и Ганнона были отправлены в Лилибею, откуда они перешли в Гераклею, где и стали ожидать римлян. Нельзя не заметить при этом, что карфагеняне в этом случае поступили совершенно правильно со стратегической точки зрения. Они не стали ожидать неприятеля у своих берегов, не пристегнули флота к своей сухопутной армии, а возложили на него совершенно самостоятельную задачу — истребить морскую силу неприятеля, без которой экспедиция сделаться не могла. В это время римский флот, в числе 330 судов, прошедши Мессинский пролив, обошел Сицилию с востока и стал на якорь у мыса Экнома, выжидая благоприятного момента для перехода в Африку. Римляне же, напротив, думали одним ударом, предприняв экспедицию, не овладевши предварительно морем и чтобы было для этого окончательно не покончивши.

Разместившись на пути быть атакованными карфагенским флотом, римляне выдрали боевой строй, которой давал-бы им возможность защищаться со всех сторон; весь флот был разделен на четыре эскадры, из

которых первые двѣ составляли клинъ и въ вершинѣ его шли двѣ секстиремы консуловъ; 3-я эскадра замыкала сзади сторону клина, ведя на буксирѣ грузовые суда, а за ними шла, прикрываемая съ тыла, 4-я эскадра.

Три четверти карѳагенскаго флота было вытянуто въ одну линію, причемъ правое крыло было выдвинуто далеко въ море, а лѣвое крыло, составляя съ центромъ тупой уголъ, упиралось въ берегъ. Римляне первые подали сигналъ къ сраженію, бросившись въ атаку съ своими передовыми кораблями на непріятельскій центръ, который сейчасъ-же началъ отступать, увлекая римлянъ за собою, и когда первые двѣ эскадры, увлекшись преслѣдованіемъ находились уже очень далеко отъ своихъ, Аннибалъ, командовавшій центромъ, сразу повернулъ и вступилъ въ ожесточенный бой съ преслѣдовавшими его консулами; въ это время правое крыло карѳагенянъ, состоявшее изъ болѣе легкихъ судовъ, подъ начальствомъ Ганнона, бросилось стремительно на 4-ю римскую эскадру, а лѣвое крыло одновременно съ нимъ атаковало 3-ю эскадру, обремененную грузовыми судами. Расчетъ карѳагенскаго адмирала въ этомъ случаѣ былъ очень хорошъ. Такъ какъ главная цѣль была уничтоженіе транспортныхъ судовъ съ десантомъ и запасами, безъ которыхъ экспедиція не могла состояться, то они рѣшили пожертвовать своимъ центромъ, чтобы имѣть возможность сосредоточить противъ судовъ, защищавшихъ транспорты, превосходныя силы. Бой, раздѣленный такимъ образомъ на три части, съ большимъ упорствомъ продолжался довольно долго; обѣ стороны, почти равныя по силѣ, не уступ-

Капитанъ Дальняго Плаванія Шведенковъ

нами другъ другу въ храбрости и въ искусствѣ; первые дрогнули корабли Антонія, гдѣ римляне удалась, посредствомъ своихъ перекидныхъ мостовъ, взять нѣсколько судовъ на абордажъ, и скоро весь центръ Египта, давая возможность консулу поспѣшить на помощь своему арріергарду. И дѣйствительно было пора это сдѣлать: четвертая эскадра едва держалась противъ искусно направленной атаки Ганнона и многіе корабли уже начали колебаться.

Третья эскадра, прижатая къ берегу, была тоже не въ лучшемъ положеніи, и только прибытіе консула съ первыми двумя эскадрами, взявшими карфагенянъ съ тылу, быстро рѣшило дѣло въ пользу римлянъ. Ганнонъ бѣжалъ въ море, а иѣ-которые корабли, окруженные со всѣхъ сторонъ, принялись почти цѣликомъ сдаваться въ плѣнъ. Такимъ образомъ побѣда осталась совершенно за римлянами, которые, хотя и лишились 24 кораблей, но сами взяли въ плѣнъ 64 и потопили 50 карфагенскихъ кораблей. Теперь путь имъ былъ открытъ до самаго Карѳагена и флотъ направился къ африканскимъ берегамъ.

Карѳагеняне недостигли своей цѣли, такъ какъ не довели свой планъ до конца: - суда Антонія не съумѣли собой пожертвовать. Римляне же обязаны своей побѣдой тому, что имъ удалось, вслѣдствіе ошибки противника, сосредоточить всю свою силу противъ части непріятельскаго флота.

Сраженіе при Акціумѣ.

31 г. до Р. Х.

Октавіанъ (впослѣдствіи Августъ), оскорбленный

Антонием, который, будучи женатым на его сестре Октавии, прислал ей разводное письмо, объявив войну виновнице этого происшествия, египетской царице Клеопатре, вполне верно рассчитывая, что этим он объявляет войну и Антонию; предлог был очень хорош, и всем кому дорога была честь римского имени, отнесись сочувственно к этому делу Октавиана, которому представлялась возможность привести в исполнение свою заветную мечту,- сделаться единственным правителем обширной римской империи.

Противники сошлись на противуположных берегах Ионического залива; северный берег занимала армия Октавиана и тут-же стояли его суда в числе 250 судов, бо́льшую часть которых составляли, так называемые, либурны. Точное описание либурн, к несчастью, не дошло до нас, но все археологические изследования по этому предмету доставляют, что либурны были большими шагами вперед в военном судостроении: они были очень быстры на ходу, чрезвычайно поворотливы и не высоко сидели над водой, а также постройка и оснастка их отличалась особой прочностью; они имели тоже несколько рядов весел, но, вероятно, гребцы там располагались иначе, чем на судах старой системы потому что, как уже было сказано, либурны были не высоки.

Напротив того, флот Антония, хотя и гораздо многочисленный, состоял из 500 громадных неповоротливых остроносых и бекспереных, загроможденных высокими башнями и всевозможными украшениями; кроме того, и экипажи этого флота, бывшие кроме того

далеко не въ полномъ составѣ, слабо уступали числомъ составу кораблей Октавіана, закаленному въ недавнихъ сраженіяхъ противъ флота Помпея. Противъ мыса Сигонки флота, у мыса Акціума, была расположена армія Антонія. Всѣ опытные люди, сознавая внутреннюю слабость флота, несмотря на его великолѣпіе, совѣтовали Антонію избѣгать морского сраженія и попробовать сначала разбить Октавія на сушѣ, полагаясь на вполнѣ преданную ему многочисленную армію; но тутъ вмѣшалась Клеопатра, — она непремѣнно хотѣла видѣть морское сраженіе, и Антонію рѣшились исполнить ея желаніе.

Нѣсколько дней флоты оставались неподвижными другъ противъ друга, какъ-бы не рѣшаясь начать кровавую борьбу, которая должна была рѣшить судьбу тогдашняго міра: на сторонѣ Октавіана былъ весь западъ, а весь востокъ слѣдовалъ за Антоніемъ. Наконецъ 2-го Сентября лѣвое крыло флота Антонія выдвинулось впередъ; сейчасъ-же Агриппа, начальствовавшій правымъ крыломъ Октавіана, началъ отступать, выманивая противника на просторъ, который былъ ему необходимъ, чтобы воспользоваться преимуществомъ маневрированія. Коліусъ, начальникъ лѣваго крыла Антонія, ничего не подозрѣвая, продолжалъ подвигаться впередъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ; тогда Агриппа, приказавшій быстро срубить на своихъ судахъ мачты, началъ двигаться къ выходу изъ залива, какъ-бы желая окружить корабли Коліуса, что заставило послѣдняго растянуть свое крыло влѣво

и отдалиться от центра. Только этого и ждали командиры либурн Октавиана; быстро бросились они на тяжелые корабли противника, окружая по двое и по трое каждый из них и стараясь лишь зажечь горящими стрелами или взять на абордаж, обломавши предварительно навыки маневром или весла. Сражение было очень жаркими с обеих сторон и судьба боя была еще далеко не решенной, как вдруг, в самый критический момент, царица Клеопатра, испуганная ночным сражением, с 60-ю египетскими кораблями, прошла под парусами мимо сражающихся и направилась в море именно в то время, когда нужно было напрячь все силы для нанесения решительного удара. Антоний, увидев, что корабль с пурпурными парусами, на котором находилась Клеопатра, удаляется, совсем растерялся, пересел на более легкое судно и поспешил за царицей, оставив на произвол судьбы сражавшийся за него флот и армию.

Постыдное бегство Антония не прекратило сражения; еще долго судна его оказывали отчаянное сопротивление и были почти все сожжены или потоплены, а через несколько дней без боя сдалась и армия, полная презрения к своему начальнику. Октавиан, сделавшийся теперь повелителем всего древнего мира, принес обильные жертвы Аполлону, своему богу-покровителю, и посвятил ему по одному кораблю от каждого рода взятых судов, начиная с трирем и кончая декземремой; затем, на том месте, где находился лагерь его армии, он основал город и назвал его Никополисом

(городом победы).

// Резюмируем тактические выводы, полученные из рассмотрения сражений флотов древнего мира.

Оказывается, что во всех случаях причиной победы явилась возможность сосредоточить против части неприятеля всю свою силу, нарушить у него взаимную поддержку, подставить ему свою сильную сторону, и уклонить слабую, отвлекающим его внезапным маневром и т. п.

Но вместе с тем из этого рассмотрения становится ясным, что эти принципы никак нельзя считать за что-то вроде рецепта, который можно применять во всех сражениях одинаковым образом.

К применению их, действительно, надо было стремиться во всех случаях, но для этого в каждом отдельном случае приходилось поступать совершенно различно, в зависимости от тех обстоятельств, в которых приходилось действовать, и в этом отношении все зависело от того, насколько талантливо воспользуется этими обстоятельствами адмирал-руководитель боя. Для этого Эпаминонд, при Артемизии пользуется элементом времени, а уже при Саламине, для достижения тех-же целей, он пользуется элементом места.

Фарнаб при Матраах пользуется элементом погоды, а при Навпакте увлечением неприятеля погоней.

Дуилий, при Липарских островах, для сосредоточения сил пользуется отсутствием Ганнибала и его презрением к противнику, а при Экноме для того-же Ганнибал и Ган-

ноть прибѣгаютъ къ хитрости.

Въ заключеніе очерка древняго періода, приведу нѣсколько мнѣній извѣстнаго морского писателя Жюрьенъ де-ла-Гравьера, навѣянныя на него изученіемъ сраженій флотовъ древнихъ.

„Древніе флоты перевозили громадныя арміи, въ сравненіи съ которыми ничто всѣ десантныя экспедиціи позднѣйшаго времени. Они не нуждались въ перевозочныхъ средствахъ - они сами выпускали прямо на берегъ и служили базисомъ для дальнѣйшихъ операцій.

„Имѣя въ виду Англію, флотъ будущаго - это тотъ, который приведетъ къ непріятельской столицѣ громадную армію. Пусть это случится черезъ 100, 200 лѣтъ, но непремѣнно люди къ этому придутъ. Этого-же можно достигнуть при системѣ флотилій мелкихъ судовъ, легкихъ, безъ запасовъ, выпускающихъ только людей.

„Но пусть не думаютъ, продолжаетъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ, что я хочу современную морскую силу превратить, если можно такъ выразиться, въ нѣчто?

„Никто, я думаю, больше меня не убѣжденъ въ томъ, что для успѣшныхъ дѣйствій противъ непріятельскихъ береговъ, прежде всего слѣдуетъ <u>владѣть моремъ</u>. Поэтому флотилія должна быть прикрыта мореходными флотами. Этотъ же мореходный флотъ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія, обезопаситъ морскую торговлю и обезпечитъ снабженіе столицы жизненными припасами.

„Но мореходный флотъ настоящаго времени, утрачиваетъ теперь понемногу свою самую

драгоценную для него способность,- а именно способность держаться в море, причем это главным образом относится до экипажей.

„Дорого посылать в море броненосцы, сидеть на берегу и экипажи.

„Пусть дороже, сложные броненосцы проводят зиму в гаванях, но не убивайте привычки к морю у мирного состава.

„Дайте ему плавать, хотя бы на парусных судах.

„Это приводит к нерешительности в управлении, а тут еще приходится иметь на ответственности страшно дорогие суда.

„Ответственность моряка вообще очень велика и следует во что бы-то ни стало стараться превратить ее в трусость.

„Надо всеми средствами поощрять инициативу, смелость; воспитать в этом духе людей даже слабых, а между тем развить это возможно с современными боевыми судами громадной стоимости. Я знаю многих командиров, которые не побоятся перед дулом пушки зарядженной картечью, но которых бросает в холодный пот одно упоминание о военно-морском суде.

„Прежде моряки гордились своими крупными наравне с победами, но тогда суда стоили несравненно дешевле, - надо и теперь иметь для воспитания мирного состава такие суда."

Галерные флоты.

Суда переходного типа.

На либурнах не остановилось усовершенствование типа военного корабля, и вслѣдъ за нимъ появились длинныя суда подъ названіемъ дромоновъ, шеландъ, памфилъ и наконецъ галеръ.

До конца IX. вѣка дромоны были сильно употребительными судами въ военныхъ флотахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и въ Средиземномъ морѣ; судя по всѣмъ описаніямъ, это были суда быстроходныя, поворотливыя, съ двумя палубами, изъ которыхъ одна была открыта, и съ двумя рядами веселъ, по 50 въ каждомъ ряду; дромоны ходили также подъ парусами, для чего имѣлась одна мачта, а на носу и на кормѣ сооружались башни для защиты солдатъ отъ непріятеля.

Шеланда представляла изъ себя дромонъ большаго размѣра съ носовой башней, занимавшей все пространство отъ форштевня до мачты, имѣвшей видъ щита черепахи; число веселъ было тоже около ста, но на каждомъ веслѣ верхняго ряда, въ виду ихъ тяжести, сидѣло по два человѣка.

Памфилы были дромоны меньшаго размѣра, имѣвшіе иногда два, а иногда и одинъ рядъ веселъ, а потому, конечно, были легче и поворотливѣе.

Галера.

Одновременно съ вышеозначенными типами

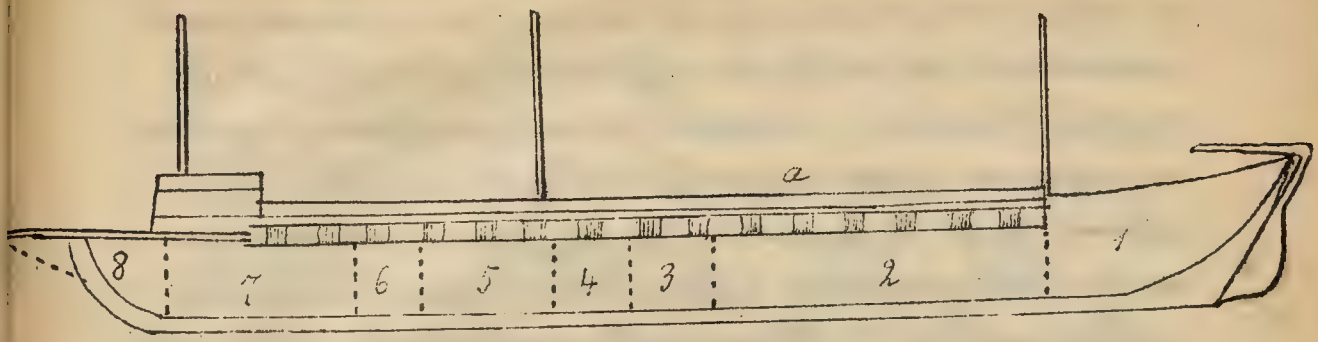
(XII ст. по Р. Х.) появилось военное судно съ одним рядомъ веселъ, получившее, благодаря сходству своему съ рыбой-мечъ, названіе „галера",- слово очень похожее на то, которое изображало эту породу рыбъ на греческомъ языкѣ. Благодаря своимъ прекраснымъ морскимъ и боевымъ качествамъ, галеры скоро вытѣснили дромоны, памфилы и хеландіи, обратившіяся современемъ просто въ грузовыя суда. Документы, сохранившіеся отъ среднихъ вѣковъ, указываютъ, что византійскіе греки, марсельцы, каталанцы, генуэзцы, англичане наперерывъ другъ передъ другомъ старались усовершенствовать этотъ типъ, но окончательно и наиболѣе совершенно былъ выработанъ типъ галеры въ Венеціи и съ тѣхъ поръ галеры всѣхъ мастеровъ постройки остальныя государства.

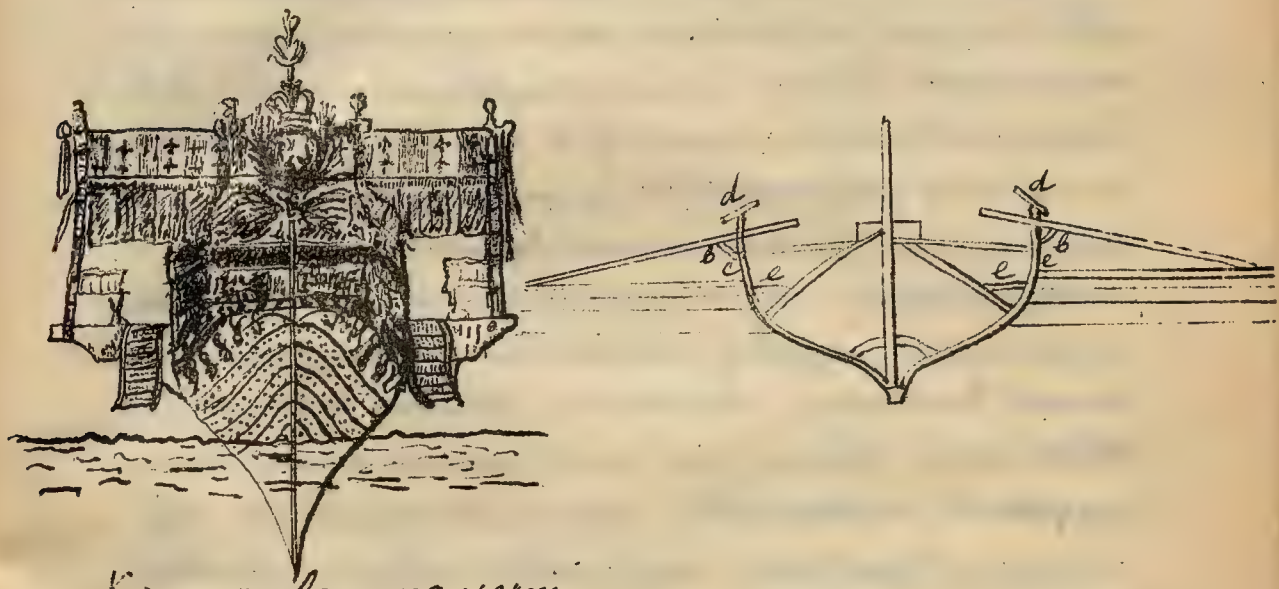
Галеры существовали до начала XIX столѣтія и вышедшій изъ этого судна строенія въ послѣдній разъ у насъ въ Россіи, во время войны 1854 - 1856 года, подъ названіемъ каланчерскихъ лодокъ.

Корпусъ.

Галеры строились длиною отъ 130 до 160 футъ, считая тутъ и таранъ, при ширинѣ отъ 15 до 25 футъ, и имѣли надъ мѣлкомъ только одну палубу въ видѣ свода, такъ что по бортамъ она возвышалась надъ нимъ не болѣе одного фута. Въ этой палубѣ помѣщались каюты, боевые и съѣстные припасы,(*)

(*) 1.) Помѣщеніе капитана и залъ совѣта 2) съѣстные припасы и вода 3.) порохъ 4.) каюта комиссара 5.) парусная каюта 6.) канатный ящикъ 7.) помѣщеніе для матросовъ и боевыхъ 8.) гребная яма.





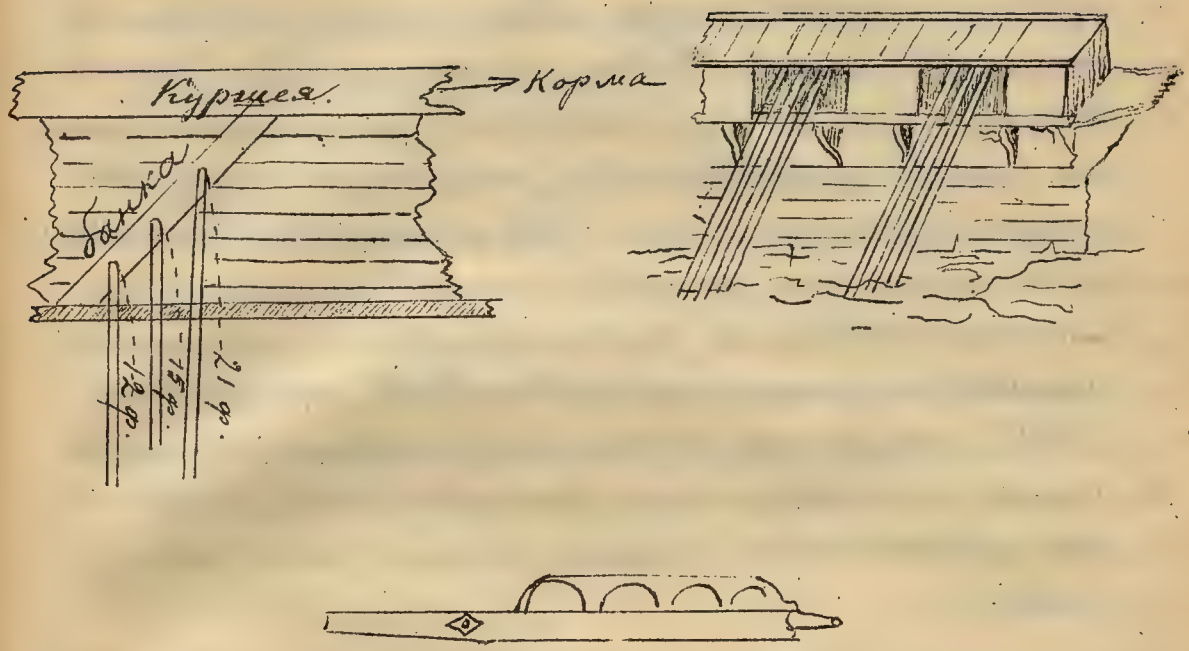
Корма Адмиральской Галеры.

а надъ нею располагались банки для гребцовъ, примыкавшія въ серединѣ судна къ помосту a въ 2 фута вышиной, который носилъ названіе „куртея" и служилъ, какъ и на судахъ древнихъ, для сообщенія носа съ кормой, гдѣ куртея уже кончалась и вся ширина судна была занята площадками въ 10–12 футъ длиной; надъ кормовой площадкой строилась треугольная бесѣдка и надъ нею на возвышеніи помѣщалось кресло для капитана. Вдоль борта, возвышавшагося обыкновенно надъ водою около 3–4 футъ, шелъ въ нѣкоторомъ разстояніи брусъ b, поддерживаемый распорками c и въ этомъ брусѣ дѣлались уключины; сверху шелъ помостъ d, а сбоку пространство между помостомъ и брусомъ обшивалось досками, оставляя только борта для выдвиганія весель; все это устройство носило названіе „постицы", причемъ помостъ d служилъ другимъ еще сообщеніемъ между носомъ и кормой.

Вооруженіе.

Главнымъ средствомъ для передвиженія галеръ служили весла, число которыхъ бывало отъ 50 до 180, смотря потому, управлялъ-ли весломъ одинъ или нѣсколько гребцовъ.

До конца XVI в. по Р. Х. весла дѣлались небольшими, около 20 футъ; каждымъ весломъ управлялъ одинъ человѣкъ и, чтобы не дѣлать слишкомъ много портовъ и банокъ, нѣсколько весель выпускались въ одинъ портъ, причемъ всѣ гребцы этихъ весель сидѣли на одной банкѣ; такія галеры назывались галерами цѣлыми.



Для этого банки ставились наклонно къ бортамъ и на каждой помѣщалось отъ 2 хъ до 5 ти гребцовъ, причемъ самыми употребительными были трехрядныя галеры - зенгзури т. е. имѣвшія по три гребца на банкѣ. Впослѣдствіи было найдено неудобнымъ имѣть короткія весла, которыя все-таки управлялись двумя человѣками съ большимъ трудомъ, а потому длина весенъ была увеличена до 30 и до 45 футъ, число весенъ было уменьшено и на каждомъ весѣ стало отъ 3 до 7 человѣкъ; такъ какъ весла эти дѣлались довольно толстыми, то къ нимъ прибѣгали скобы по числу гребцовъ. Противъ каждой банки внизу дѣлали дыру. И на нѣкоторыхъ высаживъ надъ помостомъ, для упора ногъ гребцовъ и предохраненія ихъ отъ

водой скопившейся у бортов; но бортами между банок устраивались рундуки, на которых команда спала и отдыхала в свободное время, средняя скорость галер под веслами считалась около 7 ми узлов. Когда явился руль ?, надвышивающийся к ахтерштевню, — неизвестно; можно только утвердительно сказать, что такой существовал у галер XVI столетия. Для хода под парусами галеры имели две или три мачты, с одним четвероугольным или треугольным парусом на каждой, причем в XVI столетии стали уже известны раскрезни, с появлением которых были введены в употребление паруса различных размеров.

Боевое вооружение.

Главным оружием галер до середины XIV столетия был, как и у древних судов, таран; кроме того на носовой площадке устанавливались различные метательные машины, а на постах — арбалеты т. е. болтовые луки, метавшие болтовые стрелы холодным или с зажигательным составом. Воздушные зажигательные составы играли большую роль в морских сражениях средних веков, причем они были известны под названием греческого огня, вследствие того, что греки первые ввели их в употребление в VII в. по Р. Х.; точный состав этого огня не дошел до нас, но, судя по некоторым указаниям и описаниям его действия, надо

думать что въ него входили селитра, сера, уголь, нефть, а можетъ быть и смола. Составомъ этимъ начинали пропитывать стволы, которые зажигали и бросали въ непріятеля или метали его изъ мѣдныхъ трубъ, поставленныхъ на баки, а также бросали въ горшкахъ, причемъ они загорались самъ черезъ нѣкоторое время и горѣли даже въ водѣ. Сначала, при своемъ появленіи, греческій огонь производилъ необыкновенный эффектъ, но затѣмъ были придуманы средства для его тушенія и онъ началъ понемногу выводиться изъ употребленія въ видѣ зажигательнаго состава, причемъ повѣрились бо́льшему использованію его метательныя свойства, приведшія къ употребленію въ видѣ пороха, составъ котораго чрезвычайно похожъ на составъ греческаго огня; съ появленіемъ пороха упразднилось и названіе „греческій огонь," что также указываетъ, что названіе только перешло. Въ XIV столѣтіи начала появляться артиллерія, сначала въ видѣ исключенія, но уже въ XVI вѣкѣ она вошла во всеобщее употребленіе и вмѣстѣ съ появленіемъ пушекъ мѣстами пороховъ, обратившійся въ особое украшеніе. Причиной такого медленнаго распространенія артиллеріи было весьма плохое ея состояніе въ первое время; такъ, напр., первоначально орудія составлялись изъ двухъ ковашихъ желѣзныхъ цилиндровъ, изъ которыхъ ме́ньшій предназначался для заряда, а бо́льшій для снаряда, причемъ такія орудія производили больше грома чѣмъ вреда, стрѣляли свинцовыми и желѣзными ядрами, камнями и стрѣлами, и заряжались порохомъ мелкаго.

Затѣмъ, въ XV вѣкѣ, орудія стали вливаться изъ мѣди, чистой или съ примѣсью олова; вмѣсто пороховой мѣшки начали употреблять куски пороховаго состава и появилась ручное огнестрѣльное оружіе; въ тоже время появились бомбарды, составленныя изъ желѣзныхъ полосъ и имѣвшія коническую форму, причемъ они бросали камни до 25 пудовъ вѣсомъ и картечь изъ металлическихъ кусковъ и мелкихъ камней, а затѣмъ и бомбы, когда вообще всѣ снаряды начали отливать изъ чугуна.

Къ началу XVI столѣтія выработались извѣстные типы орудій: пушки длиною отъ 17 до 23 калибровъ, для продольной стрѣльбы тяжелыми снарядами; кулеврины (такія серпентины, драконы, василиски, картауны и т.п. имена хищныхъ животныхъ) длиною отъ 30 до 40 калибровъ, для стрѣльбы на дальнія разстоянія небольшими ядрами; каменометы (гаубицы, мортиры) длиною около 5 калибровъ, стрѣлявшіе съ близкихъ разстояній бомбами, ядрами, каменьями, рубленымъ желѣзомъ или свинцомъ, гвоздями и т.п. Затѣмъ шла мелкая артиллерія: органы - нѣсколько мелкихъ орудій на одномъ станкѣ; фальконеты и мушкеты. Орудія того-же типа, но разныхъ величинъ, различались по вѣсу чугуннаго круглаго ядра входившаго въ дуло, такъ что для полнаго опредѣленія орудія говорили: 36^фн^ фунтовая пушка, 20^фн^ фунтовая кулеврина, 250^фн^ фунтовый каменометъ, 2^зл^ фунтовый фальконетъ и т.п... Въ это-же время появились орудійные лафеты, заимствіе наклонныя подставки и вертлюги, а также изо-

брызгены были картузы, въ которые помѣщались зарядовъ изъ зернового пороха; употребляющіеся ранѣе способъ заряжанія посредствомъ насыпанія мушкетами (совкомъ) былъ гораздо медленнѣе и часто сопровождался разрывомъ орудій; заряжаніе происходило всегда съ дула, кромѣ самыхъ первоначальныхъ орудій, заряжавшихся иногда съ казны.

Первыя галеры носившія артиллерію имѣли на носу одну бомбарду и около нея нѣсколько самыхъ мелкихъ орудій; затѣмъ, съ усовершенство-

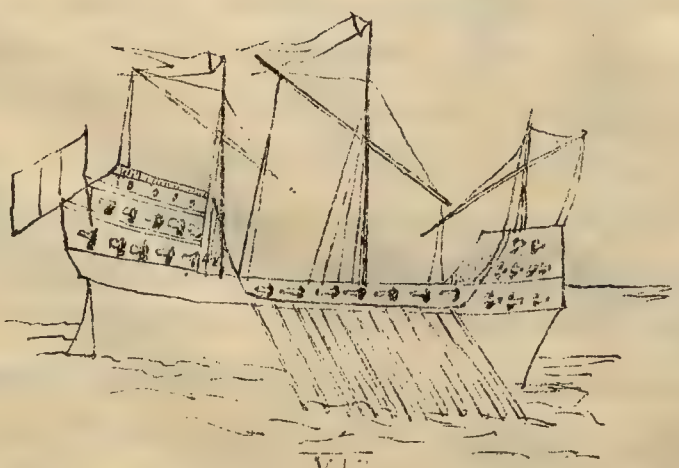
ваніемъ артиллеріи, галеры стали вооружаться слѣдующимъ образомъ: на носу въ оси помѣщалась 50^тип орудійная пушка, носившая назва-

ніе кормовой, а по сторонамъ ея въ 6 – двѣ кулеврины, которыхъ иногда бывало четыре и тогда двѣ стрѣляли впередъ и двѣ по направленію кораблей; ближе къ весламъ помѣщались фальконеты, а по бортамъ ставились еще коменомеры и небольшія пушки.

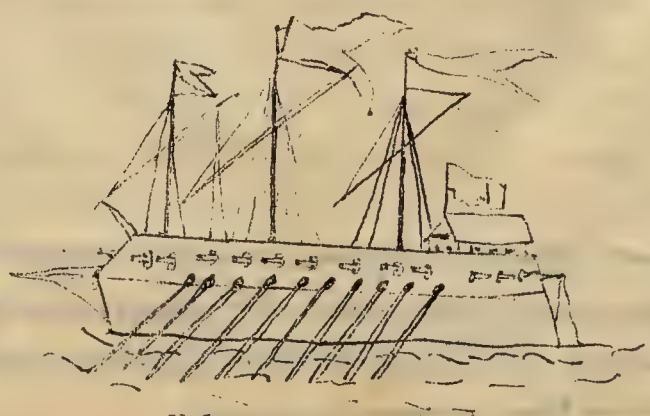
Военныя суда галернаго типа.

Галеасы представляли изъ себя галеры высокія сидящія ниже водой, длина которыхъ доходила до 270 футъ; на кормѣ и на носу имѣлись надстройки иногда въ нѣсколько ярусовъ, въ которыхъ помѣща-

Галеасы.



XL. стол.



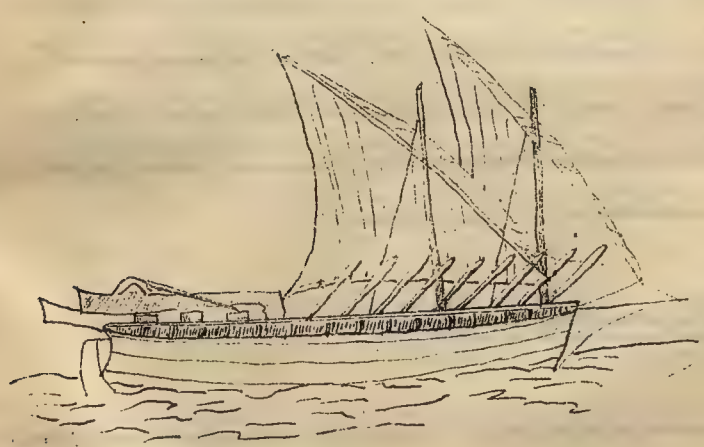
XVII. стол.

Чтимый Ея-величествомъ Павломъ

лись артиллерія и канаты; весла здѣлали очень большаго размѣра и управлялись 8-ю гребцами, причемъ они уже не составляли главнаго движущаго средства и употреблялись только при маловытріяхъ. Въ XVII вѣкѣ форма галеасовъ значительно обла-зразилась, кормовыя надстройки почти исчезли и за нимъ остались только двѣ большія размѣ-ры. Число орудій на галеасахъ средней величины было около 70, и калибры двѣ здѣлали большіе, чѣмъ на галерахъ.

Галіоты — такъ назывались у англичанъ обыкновенныя галеры.

Бригантины, здѣлали галеры малаго размѣра,



имѣвшія отъ 10 до 20 ве-сель и два паруса; гре-цы здѣлали въ тоже вре-мя и солда-тами, вооруж-енными мушкетами, при-крывавшимися подъ банками весель, что было чрезвычайно удобно такъ какъ, будучи предохранены отъ макраты, мушкетъ въ тоже время уравновѣшивалъ весло во время гребли. Благодаря своей легкости, бриган-тины здѣлали въ большомъ употребленіи у пира-товъ, и въ которыхъ по всей вѣроятности и получили свое названіе.

Наружный видъ.

Древній обычай красить суда и паруса въ

яркіе краски черезъ и въ средніе вѣка, причемъ для галеръ самымъ употребительнымъ цвѣтомъ былъ красный, а корма была или вся синяя, или раскрашивалась въ три цвѣта: красный, синій и жолтый. Адмиральскія галеры, называвшіяся „реала" или „капитана", красились обыкновенно жолтой краской. На галерахъ владѣтельныхъ особъ паруса, вымпела и флаги шились иногда изъ золотой ткани и на нихъ помѣщались ихъ гербы, а на остальныхъ галерахъ гербы капитана, а также изображались иконы святыхъ, Божіей Матери, молитвы, таинственныя слова, долженствовавшія предохранять корабль отъ опасностей и вліянія злого духа и т. п. . . .; особой роскошью на галерахъ считалось имѣть флаги и вымпела такихъ размѣровъ, чтобы концы ихъ тащились по водѣ; такими-же длинными должны были быть концы богатыхъ тканей, покрывавшихъ на кормѣ треугольную бесѣдку.

Личный составъ.

Самый многочисленный классъ галернаго населенія составляли гребцы, носившіе въ Средиземномъ морѣ названіе <u>чіурмы</u> и состоявшіе изъ каторжниковъ, невольниковъ и добровольцевъ; всѣ они были гребцы всѣ одинаково и отличались они только тѣмъ, что каторжникамъ брили половину головы, усы и бороду, а невольникамъ оставляли на головѣ длинные волосы, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе почти всѣ были прикованы за одну ногу къ галерѣ желѣзнымъ кольцомъ около котораго и никогда не спускались на берегъ; обязанность ихъ состояла въ гребли, чинкѣ парусовъ, тентовъ,

одежды и т. п. . . . Добровольцы, также обритые, кромѣ усовъ, получали жалованье, приковывались только на ночь и посбивались на берегу за приказами, хотя непремѣнно подъ конвоемъ; во время сраженій имъ нѣкогда вооружаться и они часто способствовали къ одержанію перевѣса надъ непріятелемъ. Двое самыхъ лучшихъ и сильныхъ изъ гребцовъ сажались загребными, а слѣдующіе за ними заковывались; затѣмъ уже лучшіе гребцы разсаживались на руки весель; для передачи какого-либо приказанія съ кормы на носъ, оно сообщалось загребному и черезъ него отъ весла къ веслу доходило до заковаго, который и передавалъ его по назначенію. Для одержанія такта во время гребли изъ міурмы выбиралось 8 человѣкъ музыкантовъ, причемъ хорошая музыка на галерахъ считалась поощреніемъ и музыкантамъ отпускалось улучшенное содержаніе; обыкновенно вся міурма гребла только во время маневровъ и сраженій, а въ остальное время- одна или двѣ трети гребцовъ.

Для управленія парусами на галерахъ состояли еще матросы исключительно изъ добровольцевъ.

Для всѣхъ вообще работъ, какъ во время якорной стоянки, такъ и въ походахъ, существовало особое росписаніе, въ которомъ указывалось- кто какую долженъ выполнять работу, какъ напримѣръ ставить и убирать паруса и тенть, мести и чистить палубу, поднимать якорь, служить офицерамъ и т.п.... Начальникомъ надъ всѣми гребцами и матросами былъ <u>комитъ</u> (арнаутинъ, албанецъ), исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность палача

и въ помощь ему давались подкомиты. Нижеприведенное извлеченіе изъ записокъ галерника, сосланнаго на галеры за исповѣданіе протестантства, яркими красками обрисовываетъ тяжелую жизнь этихъ. „Комитъ во время похода находится всегда стоя въ кормовой части около капитана для полученія отъ него приказаній, а помощники его стоятъ одинъ на серединѣ, а другой на носовой части куртки, вооруженные плетьми. Когда капитанъ отдаетъ приказаніе начать гребню, комитъ даетъ объ этомъ знать въ серебряный свистокъ и, по повтореніи его подкомитами, невольники снимаютъ ворочаютъ весла, причемъ ровная гребля необходима: гребцы запоздавшаго весла неминуемо получаютъ ударъ по головѣ смѣнившимъ за нимъ весломъ, а также и не успѣвшаго подкомитъ пропищитъ по немъ спинамъ плетью. Нѣкоторыя работа галерниковъ велика въ поговорку. Дѣйствительно, представьте себѣ шестьдесятъ человѣкъ, прикованныхъ къ одной доскѣ, совершенно нагихъ, упирающихся одной ногой на подножку, а другой на переднюю банку, держащихъ въ рукахъ громадной тяжести весло; вообразите какъ изгибается ихъ тѣло къ кормѣ и растягиваются руки, чтобы толкать весло ногами, находящимися впереди ихъ товарищей, распинающихся также, какъ и они! Достигши извѣстнаго предѣла они поднимаютъ весла и, едва лопасть начинаетъ тонуть въ водѣ, какъ всѣ тянутъ весла отъ кормы къ носу съ такимъ усиліемъ, что скорѣе падаютъ, чѣмъ садятся на свою банку, которая гнется подъ ними отъ стремительности движенія. Ни одинъ свободный человѣкъ не вынесъ-бы и часа

такой пытки, но галерники невольники продолжали эту работу иногда 10, 12 часов безо отдыха; в таких случаях подкалывали ли кого-либо из матросов сухой несчастный сухарь в рот по куску хлеба замоченного в вине, чем предотвращается разстройство желудка, неизбежное при утомлении и голоде. Если-же кто-либо из галерников подаетъ отъ потери сил, что случается нередко, тогда его начинаютъ угощать плетьми до тех поръ, пока онъ теряетъ всъ признаки жизни, затъмъ онъ выкидывается въ море, какъ дъйствительный трупъ." Особенно ужасно было положение гребцовъ во время сражения; занятые исключительно физическимъ трудомъ, хотя и страшно тяжелымъ, но все-же не имъющие ума сознавать опасность, несчастные гребцы не могли даже во время безполезнаго боя заглушить животное чувство самосохранения стремлениемъ возвращать ударъ за ударъ и убивать, чтобы не быть убитымъ. Имъ даже не позволялось воодушевляться и кричать „да здравствуетъ король!," имя котораго считалось слишкомъ почетнымъ, чтобы его могъ произносить каторжникъ; а также запрещено имъ было стонать отъ боли: висъвший у каждаго на цепь кусокъ пробки вставленный въ ротъ долженъ былъ заглушать всякий крикъ. Победа или пораженіе, — для нихъ было все равно; совершенно одинаково было для нихъ быть побъдителями и престь для французскаго короля, или быть побъжденными и опять-таки престь для побъдителя.

Вполнъ понятно было ихъ равнодушіе: „если

ты не позволишь себя покорно убивать въ сраженіи, то тебя все равно убьетъ капитанъ",- такъ разсуждала вчерашняя справедливо мишурка. Дѣйствительно ударъ плетью изъ волосъ могъ быть первымъ предостереженіемъ, за которымъ слѣдовалъ сабельный ударъ и дѣло кончалъ тистоленный выстрѣлъ. Въ случаѣ общаго возмущенія, два органа на кормѣ, направленные вдоль галеры, быстро возстановляли порядокъ.

Командиры галеръ избирались большею частью изъ извѣстныхъ аристократическихъ фамилій, прославившихся боевыми подвигами и надъ ними начальствовали состоящіе рабцари, обязанные защищать флагъ, и молодые люди знатныхъ фамилій, поступавшіе на галеры для практики. Вступленіе капитана аристократа на галеру сопровождалось особыми церемоніями, особенно въ среднія вѣка.

Когда вооруженіе, оснастка и нагрузка галеры окончена, экипажъ и офицеры собраны, трубачи оповѣщаютъ о прибытіи командира особыми сигналами и идутъ впереди церемоніальнаго шествія. Капитанъ входитъ на галеру, сопровождаемый свитой дворянъ, обязавшихся защищать корму; всѣ безмолвствуютъ и ожидаютъ вопросовъ капитана, капитанъ стоитъ у входа. Капитанъ идетъ на корму, садится на кресло, стоящее на возвышеніи, украшенное разными занятными аллегоріями; это его тронъ, съ котораго онъ отдаетъ всѣ приказанія сидя и встаетъ только при приближеніи непріятеля, дабы въ полное боевое вооруженіе. И такъ капитанъ садится и принимаетъ почетныя

привѣтствіе отъ подчиненныхъ ему офицеровъ. Всѣмъ оружіемосцамъ распредѣляются на кормѣ и носу. Начальникъ арбалетчиковъ становится на одной сторонѣ судна, подкомитъ на кормѣ, а комитъ на носу. Капитанъ, прежде чѣмъ оставить корму, осматриваетъ флагъ, подъ которымъ онъ сидитъ, потомъ обозрѣваетъ оружіе, расположенное внутри тримблежа, украшеннаго рѣзьбой и скульптурой и покрытаго огромнымъ дорогимъ покрываломъ, котораго концы, затканные золотомъ, волочатся непремѣнно по водѣ. Флагъ съ гербомъ, расшитымъ на древкѣ, стоитъ съ правой стороны тримблежа и едва раздувается подъ тяжестью матеріи, — это флагъ капитана; другіе флаги помѣщены на оконечностяхъ кормы, — это флаги королевскій и адмиральскій; около каждой уключины помѣщены небольшіе флажки съ гербомъ капитана; раздувающіе вѣтромъ, они мнутъ подобно тучѣ стрѣлъ. Затѣмъ капитанъ приступаетъ къ обозрѣнію галеры; онъ начинаетъ съ гребцовъ и весенъ, удостовѣряясь сильны-ли гребцы, причемъ комитъ представляетъ ему загребныхъ. Производится краткая гребля при звукахъ трубачей, всѣми веслами сразу или по очереди, впередъ, назадъ, тихо или навалившись. Послѣ этой пробы отдаютъ паруса и галера мчится, повинуясь вѣтру и опытной рукѣ дюжаго рулеваго. Въ это время солдаты берутъ оружіе и размѣщаются по мѣстамъ назначеннымъ для сраженія; паруса убираются и воздвигается моментально около грот-мачты башня во всю ширину галеры, а длиною до 20 ти саженъ, на которую влѣзаютъ мушкетеры; башня эта

ставится так, что под него свободно проходят люди, а пол его обнесен брустверами с башнями. На носу, в корме, в середине размещаются камнеметные машины. У концов банок по бортам помещаются арбалеты и 10 арбалетчиков образуют как-бы стоящую живую защиту; приносятся каменные разничные разные для машин и руки и по 10 арбалетчиков становятся на нос и корму; тут-же, подле каменьев, кладутся зажигательные горшки, брасаемые также с башни. Горшки с жидким либанем, сосуды с известью - все это размещается также по бортам и на башнях. Пока все расставливается, капитан, чтобы не терять времени, осматривает свою галеру, и весь помещение в целом. Затем он выходит наверх, все повторяет, все осматривает, удостоверяется в качестве оружия, лат, наколенников, шлемов, щитов и прочего боевого снаряжения, заставляет команду делать примерные движения оружием и улучшает степень их удобности, причем все вещи, оказывающиеся неудовлетворительными, выбрасываются за борт. Окончив обозрение, капитан возвращается к своему посту, музыка играет воинственные арии и пурпурный вымпел торжественно поднимается на грот-мачту. После всего этого галера возвращается в порт и капитан с такой-же церемонией съезжает на берег.

Только самые знатные капитаны могли командовать галеасами, причем, напр., в Венеции, они давали торжественную клятву не избегать сражения даже с целью не-

приятельскими галерами.

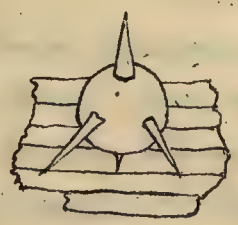
Тактика галерного флота.

Самым употребительным строем в бою для галер остался тот же строй полукружия носами вперед, который был принят у древних флотов, что вполне понятно, так как галеры, даже с введением артиллерии, имели самое сильное вооружение на нос, который вследствие этого и должен был быть обращен к неприятелю.

При съемке флота с якоря, на адмиральской галере дымом выстрела из пушки и подниманием на грот-мачту большой флаг с изображением Богоматери, как бы вручая судьбу предприятия Св. Деве Марии, покровительнице всех моряков. Для похода галеры строились в фронт в одну, две или три линии, самые в середине каждой командующих эскадрами. Чтобы перейти в боевой строй, вторая линия давала полуоборот направо; тоже, только налево, делала третья линия, а командующие эскадрами переходили на фланги, где становились по прежнему самые сильные суда, кроме адмирала, который оставался в середине; часть судов оставалась сзади в виде резерва и для охранения грузовых судов, нередко сопровождавших галерные флоты.

Вышеприведенное описание осмотра галеры командиром дает возможность с достаточною ясностью представить себе приготовление к бою и начало его в те времена, когда на галерах еще не было артиллерии. Поражая из-

дали другъ другу изъ луковъ, арбалетовъ и камнеметныхъ машинъ, при приближеніи однако теряли всякій строй и тутъ уже каждый командиръ по способности старался пустить въ дѣло свой таранъ или сцѣпиться на абордажъ. Въ это время на противника летѣли различныя горючія вещества, известь засыпала ему глаза, горшки съ жидкими мѣхами разбившіеся на его палубѣ заставляли скользить и падать солдатъ, причемъ небольшіе мѣшки съ четырьмя мѣдными бронзовые тѣла-же наносили серьезныя поврежденія, какъ ушибшись, такъ и лишившись неосторожность на нихъ наступить; къ этому часто прибавлялись сотни ядовитыхъ змѣй, которыхъ нарочно держали для этого въ закупоренныхъ стеклянныхъ банкахъ. Существуютъ еще многочисленныя указанія на то, что дѣятельное участіе въ сраженіяхъ, и въ особенности въ дѣйствительныхъ бояхъ, принимали водолазы, которые главнымъ образомъ старались повредить у непріятеля руль, сверлили подводную его часть, у столицъ на якорѣ кораблей обрѣзывали канаты и т.п....



Съ введеніемъ артиллеріи, даже съ усовершенствованіемъ послѣдней, карантина боя между галерами измѣнилась немного. Заряжаніе все-таки происходило такъ медленно, что нельзя было разсчитывать, сдѣлать изъ каждаго орудія больше трехъ, четырехъ выстреловъ до приближенія къ непріятелю.

Приготовляясь къ бою, для защиты отъ

непріятельскихъ бастіоновъ, на галерахъ устраивались траверзы, т.е. поперекъ галеръ на носу и около кормы и грот-мачты, натягивались двѣ полосы холста, и между ними навалили бунты шерсти, запасныя весла, старыя снасти, тенты, матрацы, одежду галерниковъ и т.п.; изъ этихъ-же матеріаловъ устраивались брустверы около орудій для защиты орудійной прислуги.

Сходясь, флоты начинали сраженіе, поражая другъ друга изъ кулевринъ и пушекъ и потомъ уже откровали огонь изъ камнеметовъ, которые легче было заряжать второй и третій разъ; для зажиганія непріятельскихъ парусовъ забивали въ дуло старую смоленую рубаху, вымоченную въ смѣси масла съ водкой; послѣ этого уже противники сходились на самое близкое разстояніе, въ дѣло вступали мелкія орудія и мушкеты и, если сраженіе не могло быть рѣшено артиллеріей, что случалось очень часто, то все кончалось абордажемъ, какъ и въ прежнія времена.

Слѣдующій случай, происшедшій въ серединѣ XVI столѣтія, показываетъ, какъ мало разсчитывали въ старые годы на второй выстрѣлъ.

Французскій капитанъ Полень, имѣя при себѣ нѣсколько галеръ, встрѣтился въ открытомъ морѣ испанскую эскадру - болѣе 20 большихъ судовъ; желая завладѣть этой эскадрой и опасаясь дѣйствія сильной артиллеріи испанцевъ, Полень приказалъ поднять императорскій флагъ и послалъ сказать испанскому адмиралу, что на его галерѣ находится венгер-

Полъ абордажа,

ская королева, родственница императора Карла V, а потому они просить отдать должную почесть сла-гу высокой особы и отсалютовать из всех своих орудий. Едва испанский адмиралъ, не подозрѣвая обмана, приказалъ произвести салютъ, какъ Поленъ съ своими галерами набросился на испанскія суда и взялъ ихъ на абордажъ, прежде чѣмъ тѣ успѣли опомниться и зарядить орудія вторично.

Кампанія 1571 года въ Средиземномъ морѣ.

Въ XVI столѣтіи самыми сильными морскими державами въ Средиземномъ морѣ были Турція, Испанія и Венеція, причемъ громадное численное превосходство было на сторонѣ турокъ, которые всегда имѣли въ своемъ распоряженіи флоты подвластныя имъ Египта, Алжира, Туниса, Триполи и т.д.

Пользуясь этимъ, мусульманскій флотъ періодически появлялся у береговъ Италіи и Франціи и раззорялъ ихъ на громадномъ протяженіи; точно также страдали венеціанскія колоніи, разбросанныя по всей восточной части Средиземнаго моря; мусульманскія же государства сѣверной Африки оказывали постоянную поддержку испанскимъ маврамъ, съ которыми въ то время испанцы вели отчаянную борьбу.

Между христіанскими государствами давно велись переговоры о заключеніи общаго союза противъ мусульманъ, чтобы положить

конецъ имъ владычеству на Средиземномъ морѣ, но дѣло двигалось туго впередъ, такъ какъ всякій преслѣдовалъ свою собственную цѣль и не желалъ пожертвовать своими интересами въ пользу другого. Испанія, напр., требовала снаряженія экспедиціи противъ Алжира, тогда какъ Венеція указывала, что главная цѣль экспедиціи должна быть восточная часть Средиземнаго моря.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1570 году, громадный турецкій флотъ появился передъ Кипромъ, принадлежавшимъ Венеціи, и высадилъ на берегъ сильную армію; главный городъ Фамагуста былъ осажденъ, а всѣ незащищенные города были разграблены.

Это нѣсколько подвинуло впередъ переговоры, причемъ примирительнымъ элементомъ между Испаніей и Венеціей явился папа Пій V, которому было безразлично, куда будутъ направлены силы союзниковъ, лишь-бы была достигнута главная для него цѣль — ослабленіе невѣрныхъ и освобожденіе массы христіанскихъ пленниковъ, томившихся на турецкихъ галерахъ.

Но и тутъ переговоры тянулись страшно долго, такъ что союзъ окончательно былъ заключенъ только въ Іюлѣ 1571 года, т. е. черезъ годъ послѣ выступленія турокъ въ походъ.

Начальство надъ флотомъ долженъ былъ принять, по предложенію папы, донъ-Жуанъ Австрійскій, побочный сынъ Императора Карла V.

Въ это время ему было всего 24 года, но онъ уже былъ довольно не новичекъ въ воен-

нымъ духомъ. Съ 18-ти-летняго возраста онъ постоянно участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ мусульманами, причемъ выказалъ недюжинныя способности, и ему-же поручено было главное руководительство операціями противъ испанскихъ мавровъ и операціи эти онъ вель самымъ блестящимъ образомъ.

Но, хотя Донъ-Жуанъ и былъ главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, сосредоточенныхъ противъ невѣрныхъ, онъ не имѣлъ права предпринимать ничего важнаго безъ совѣщанія съ Веніеро и Маркомъ Антоніемъ Колонна - начальниками венеціанской и папской эскадръ.

Между тѣмъ пока между союзниками шли переговоры, турки взяли Фамагусту, въ Іюнѣ 1571 года покинули Кипръ, разсорили о-въ Критъ и Корфу и приблизились ко входу въ Адріатическое море.

Въ это время морскія силы христіанъ были расположены такъ. Веніеро, съ большею частью венеціанскаго флота находился въ Корфу, а другая часть его судовъ находилась у береговъ Крита. Папскіе галеры снарежались въ походъ въ Чивита-Векскія, а испанскія суда вооружались въ Неаполѣ, Палермо и Барцелонѣ.

Къ этимъ судамъ главныхъ союзныхъ государствъ должны были еще присоединиться мелкія эскадры и даже отдѣльныя галеры, снаряженныя различными итальянскими независимыми городами и мелкими князьями.

Объединить сборный пунктъ было назна-

чена Мессина.

Такимъ образомъ силы христіанъ были разбросаны и подвергались страшной опасности быть уничтоженными турками по частямъ.

Особенно тяжелымъ было положеніе венеціанскаго адмирала Веніеро. Покинувъ Корфу и идти на боевой пунктъ, значило оставить беззащитнымъ все Адріатическое море, а слѣдовательно и Венецію. Остаться на мѣстѣ значило подорвать все предпріятіе лиги. Конечно, колебаній-бы не могло быть, если-бы союзники вполнѣ довѣряли-бы другъ другу, но этого не было, да и дѣйствительно по самому ходу переговоровъ имѣлось не мало причинъ для такого недовѣрія.

Турки между тѣмъ были близко, а потому Веніеро не имѣлъ времени получить указаній изъ Венеціи; надо было принять быстрое рѣшеніе. Вслѣдствіе этого былъ созванъ военный совѣтъ, который постановилъ, что лучше рискнуть всѣмъ, нежели своимъ бездѣйствіемъ подорвать въ корнѣ весь планъ, и Веніеро сейчасъ-же вышелъ въ море, направившись въ Мессину.

И дѣйствительно было уже время. Въ тотъ моментъ когда венеціанская эскадра снималась съ якоря, съ возвышенности Корфу уже можно было различить турецкій авангардъ, подвигавшійся на сѣверъ, вдоль албанскаго берега, и двѣ отставшія венеціанскія галеры попали въ руки турокъ.

Музцинъ - Заде-Али, главнокомандующій турецкимъ флотомъ, не могъ однако сейчасъ-же послѣдовать за Веніеро, что оказалось-бы

Записки по Воен.-Морск. Искусству Николаевской Морской Академіи.

Измѣненіе Кемаль-Райсомъ Пловцомъ

конечно чувствовать для христиан.

В то время целого ряда военных действий против островов и береговых крепостей, не-
жавших по пути, было потеряно много людей и требовалось возобновить запасы, чтобы и за-
нялись турки в Албании, которая находи-
лась под властью султана. Но, кроме того, турки и не сознавали всей важности напасть на христиан как можно раньше, потому что они вновь заняли осадой крепости Кан-
дию, выслав в Адриатическое море отдельный отряд под начальством алжирского губерна-
тора Улуч-Али, для разведения берегов. Здесь именно Улуч-Али получил первые достовер-
ные сведения, что почти весь христианский флот собрался в Мессине и собирается с своей стороны перейти в наступление. Изве-
стие было настолько важно, что Улуч-Али быстро направился назад для сообщения этой новости главнокомандующему, который ре-
шил сейчас-же отступить к одному из пристаней турецких портов, где спокойно можно-бы было заняться приготовлением флота к бою.

Действительно, ослабив себя в действиях против берегов, турецкий флот далеко не был готов к борьбе с регулярной военной силой. Поэтому Али-Паша, выслав разведчи-
ков к Мессине и берегам Калабрии, на-
правился в Лепанто, и кроме того 60 галер были отправлены к Негропонту, откуда они доставили 10,000 янычар, 2,000 спагисов и 2,000 других войск. Получить войска эти было чрезвычайно важно, так как, вследствие не-

совершенства артиллерии, морской бой ръшался въ это время главнымъ образомъ абордажемъ.

Между тъмъ, благодаря оплошности англійскаго турка, соединенный флотъ полумѣсяцу собрался въ Мессинѣ.

Скоро, вслѣдъ за Веніеро, прибыли и папскіе суда, и недоставало только испанцевъ. Особенно опаздывалъ отрядъ, который долженъ былъ выйти изъ Барцелоны подъ начальствомъ самого Донъ-Жуана. Дѣло стояло за войсками, которые въ это время еще преслѣдовали остатки мавровъ въ горахъ Гренады.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе Веніеро было очень тяжелымъ. Благодаря его уходу, Венеція была беззащитна, а между тъмъ испанцевъ все еще не было. Наконецъ-исполнились съ трудомъ добытыя пригласы, пришлось выбивать дѣлая послѣднія отряды съ Сіерры Ихаръ, при постоянномъ опасеніи встрѣтиться съ превосходнымъ силами турка.

Только въ концѣ Августа прибылъ Донъ-Жуанъ, и только 15-го сентября христіанскій флотъ вышелъ въ море на поиски за непріятелемъ. Двѣ эскадры съ пригласами и галеасы съ отрядами галеръ для блокировки Залива отправлены отдѣльно, чтобы не стѣснять движеній главныхъ силъ.

Стоянка въ Мессинѣ была посвящена совѣщаніямъ объ организаціи флота, о томъ, въ какомъ порядкѣ плавать и какъ сражаться. При этомъ именно въ организаціи была совершена крупная ошибка, которая явилась впослѣдствіи послѣдствіемъ тайнаго недовѣрія сою-

ствовавшаго между союзниками.

Сражение должно было разделиться на центръ, правое и левое крыло и резервъ, причемъ эти части не должны составлены были изъ галеръ какого-нибудь одного государства; а напротивъ, каждая часть представляла изъ себя смѣсь галеръ всѣхъ національностей, вошедшихъ въ союзъ. Поэтому и начальники отдѣльныхъ эскадръ не командовали цѣлыми отдѣльными частями; а были расположены въ центрѣ, рядомъ съ главнокомандующимъ, какъ-бы для того, чтобы все время имѣть возможность контролировать его дѣйствія.

Вотъ, напр., въ какомъ порядкѣ, въ строю фронта, должны были расположиться галеры центра.

1 Капитана (*) Джіордано Орсино.
3 генуэзскія галеры.
1 папская галера.
3 венеціанскихъ галеръ.
1 генуэзская галера.
1 неаполитанская галера.
1 папская галера.
2 венеціанскія галеры.
1 испанская галера.
1 папская галера.
1 генуэзская галера.
3 венеціанскія галеры.
Капитана Андрада.
1 испанская галера
Капитана Веніеро.
1 галера Донъ-Жуана Австрійскаго.

(*) Капитанами и галерами назывались галеры отдѣльныхъ начальниковъ.

Капитана Марка Антонія Колонна.
Капитана Принца Урбино.
1 папская галера.
1 венеціанская галера.
1 генуэзская галера.
2 венеціанскія галеры.
1 генуэзская галера.
1 папская галера.
1 испанская галера.
2 венеціанскія галеры.
1 папская галера.
2 неаполитанскія галеры.
1 испанская галера.
3 венеціанскія галеры.
Капитана Брандебурга.
1 генуэзская галера.
4 венеціанскія галеры.
1 генуэзская галера.
2 мальтійскія галеры.
Капитана Джустиніано (мальтійскаго).

По числу галеръ Збыли распредѣлены такъ:

Авангардъ составилъ	7	галеръ.
Лѣвое крыло	53	"
Центръ	62	"
Правое крыло	50	"
Резервъ	30	"

Всего 202 галеры.

Кромѣ того имѣлось 6 галіасовъ

На судахъ имѣлось 29,000 солдатъ въ большинствѣ испанцевъ, причемъ число ихъ Збыло неодинаково на каждой галерѣ; напр. на реалѣ Донъ-Жуана имѣлось 400 солдатъ.

При плаваніи днемъ авангардъ долженъ Збыть

идти на 20 миль впереди, а ночью приближаться на расстоянии до 8 миль.

Резерв имел на расстоянии 1 мили сзади.

Чтобы ночью не разъединиться, самое заднее судно должно было держать на мачте огонь, чтобы передние суда видели, где оно находится и могли-бы по нем ориентировать свой ход.

Флот должен принять строй фронта, имея резерв сзади центра.

Галеасы было предположено сначала, по существовавшему обычаю, поставить на флангах; но, по предложению генуэзского адмирала Андрея Дория, им было назначено место на 1 милю впереди линии, в строю фронта, с большими между ними промежутками. Предполагали, что турки, встретив нас на своем пути, постараются нас взять и таким образом разобьются на 6 отдельных групп, которые можно будет атаковать с тыла.

Чтобы дать возможность галеасам продержаться как можно дольше, на каждый из них было посажено по 500 лучших стрелков.

После небольшой задержки Великолепная Османского флота из пролива Кафа, Дон-Жуан направился в Корфу, где предполагалось принять 6000 солдат и возобновить запасы. На разведки было выслано вперед 4 галеры с двойным комплектом гребцов.

26 сентября христиане пришли в Корфу и здесь застали своих разведчиков, которые ничего нового сообщить не могли, кроме как что их противник теперь не позво-

лишь ими спустившся на югъ. Донъ-Жуанъ торопился какъ можно скорѣе выйти въ море, такъ какъ онъ опасался, что турки уйдутъ въ глубину Патрасскаго залива, гдѣ они окажутся въ полной безопасности, вслѣдствіе невозможности сорсировать Малые Дарданеллы, и тогда кампанія будетъ потеряна.

Но выйти нельзя было, такъ какъ не подошли еще галеасы и нефы со своими конвоирами.

Время стоянки въ Корфу было посвящено ученьямъ и смотрамъ, причемъ показались первые признаки гибельности неправильной организаціи. Когда Дорія, которому было поручено начальство надъ правымъ крыломъ, хотѣлъ произвести смотръ одной изъ венеціанскихъ галеръ, венеціанцы его къ себѣ не пустили. Дѣйствительно Генуя и Венеція были старинные враги и недавно лишь закончилась вѣковая между ними борьба полнымъ униженіемъ Генуи, такъ что отчасти понятно, что венеціанцы не хотѣли подчиниться генуэзскому адмиралу.

30-го сентября флотъ перешелъ въ бухту Гоменица, лежащую противъ Корфу, для нагрузки дровами, и турки нападаютъ на посланныхъ на берегъ людей и берутъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, и такимъ образомъ имѣютъ возможность получить неоспоримыя свѣдѣнія о непріятелѣ.

Вообще обѣ стороны имѣли очень плохія свѣдѣнія другъ о другѣ и собственно говоря въ темнотѣ, такъ какъ произвести раз-

вѣдку было очень трудно.

Развѣдчики христіанъ, напр., такъ ни разу и не видали турокъ и составляли свои донесенія по показаніямъ командировъ встрѣчавшихся коммерческихъ судовъ и береговыхъ жителей.

Турки въ этомъ отношеніи были даже нѣсколько счастливѣе, причемъ въ области развѣдокъ особенно отличались пираты, сопровождавшіе въ большомъ количествѣ турецкій флотъ.

Напр., когда еще христіане были въ Мессинѣ, пиратъ Кара-Коджа, выкрасивъ свою бригантину въ черный цвѣтъ, вошелъ на самый рейдъ и пересчиталъ непріятельскіе суда; но въ это время еще не прибылъ Донъ-Жуанъ, а потому показаніе его имѣло обманную турокъ.

Другой пиратъ, Кара-Джашина, на маленькой лишкѣ пробрался на рейдъ Корфу, когда тамъ стояли христіане, и сосчиталъ ихъ суда; но опять показаніе его было ошибочно, такъ какъ не было галеасовъ и сопровождавшихъ ихъ галеръ.

Наконецъ, такое-же показаніе дали и пленные, захваченные въ Дарданеллахъ. Это были простые солдаты и потому они не знали, что галеасы плаваютъ отдѣльно и должны присоединиться къ флоту.

Все это вмѣстѣ принято въ глазахъ турокъ спасло христіанъ, и заставило ихъ стремиться къ бою; на военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Лепанто, несмотря на сильное возраженіе многихъ опытныхъ старыхъ начальниковъ, противная имъ партія

восторжествовало, и рѣшено было вѣйти на встрѣчу христіанамъ. Въ тому-же времени подошлю и приказаніе адмирала, который на запросъ главнокомандующаго, приказалъ атаковать непріятеля.

У турокъ числилось 208 галеръ и 66 меньшихъ судовъ и главное преимущество ихъ состояло въ томъ, что всѣ они составляли одно цѣлое и подчинялись одной волѣ, чѣмъ христіане похвастаться не могли; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они были слабѣе.

Въ то время, какъ всѣ войска Донъ-Жуана были вооружены аркебузами, у турокъ лишь аркебузы имѣли янычары, которые составляли лишь 1/10 войска; остальные-же были вооружены луками. На христіанскихъ судахъ команды были защищены щитами и траверзами; у турокъ-же ничего подобнаго не было, — команды ихъ были совершенно открыты. Затѣмъ, артиллерія у христіанъ была гораздо совершеннѣе турецкой и стрѣляли они скорѣе.

При выходѣ христіанскаго флота изъ Коменицы произошелъ случай, чуть было не разстроившій все предпріятіе. Дѣло въ томъ, что на одной изъ венеціанскихъ галеръ, во время съемки съ якоря, между матросами и испанскими солдатами произошла ссора, перешедшая въ драку, причемъ испанскій офицеръ, вмѣсто того, чтобы ее прекратить, энергично поддерживалъ своихъ.

Командиръ далъ знать объ этомъ Веніеро, который для возстановленія порядка прислалъ флагманскаго арбузина (arbitraglio)

съ 24-мя полицейскими, но испанцы встрети-ли ихъ выстрѣлами. Тогда Вениеро подо-шелъ на своей галерѣ, стали бортъ о бортъ съ галерой, гдѣ произошла драка и, когда испанцы были обезоружены, онъ тутъ-же, на-мѣстѣ, приказалъ повѣсить испанскаго офи-цера и двухъ капраловъ.

Донъ-Жуанъ страшно озлобился на та-кое отношеніе къ дѣлу Вениеро, а свита его стала разжигала его гнѣвъ, указывая, что надо сбить съ этихъ венеціанцевъ спѣсь, и показать на Вениеро примѣръ; нѣкоторые совѣтовали предать его смертной казни. Но Вениеро былъ не такой человѣкъ, чтобы позволилъ себя взять безъ сопротивленія, при-нялъ всѣ его подчиненные были на его сто-ронѣ.

Дѣло становилось совсѣмъ плохо. Вене-ціанскія галеры снялись съ якоря и груп-пировались около своего адмирала, оста-вшіяся оружіи ремиъ Донъ-Жуана. Какъ съ той, такъ и съ другой стороны нача-лись болѣе приготовленія къ бою; - достаточно было теперь одной искры, чтобы началась пальба, и все было конечно - бой погибло. Здѣсь миротворцемъ явился Марко Антоніо, на-чальникъ папскихъ галеръ. Онъ умѣлъ и успѣлъ убѣдить Донъ-Жуана, въ виду общей пользы, забыть снисходительные къ ста-рому венеціанскому адмиралу, и остано-вились на томъ, что Вениеро, не желавшій лишить больше никакого дѣла съ испанца-ми, не будетъ больше участвовать въ воен-ныхъ совѣтахъ, гдѣ его будетъ задѣвать,

помощникъ его Барбарино.

3-го октября христіане наконецъ выходятъ изъ бухты Гоменица и направляются къ югу. Намѣреніе Донъ-Жуана состояло въ томъ, чтобы расположиться въ бухтѣ Петала, и оттуда наблюдать за турками, но вмѣстѣ опасаясь его отъ берега и ему пришлось войти въ проливъ, между Кефаліей и Итакой.

Въ это время турки покидаютъ Лепанто и переходятъ въ бухту Калидонъ; выславшіе развѣдчики сообщаютъ, что непріятель у Кефаліи, и рано утромъ 7-го октября Мухинъ-Заде-Али снимается съ якоря съ намѣреніемъ идти къ этому острову и тамъ напасть на христіанъ. Но въ эту ночь какъ разъ сгинало, а потому Донъ-Жуанъ выходитъ въ море, направляется въ проливъ между мысомъ Маратіа и островомъ Драконера и спускается къ югу по направленію къ Петала. Флотъ уже направляется къ якорному мѣсту, какъ вдругъ на юго-востокѣ усмотрѣно было множество парусовъ и скоро выяснилось, что это былъ турецкій флотъ, направлявшійся къ Кефаліи. Сейчасъ-же былъ отданъ приказъ двигаться дальше и христіанскій флотъ началъ вытягиваться въ длинную линію черезъ узкій проходъ между мысомъ Кунгуларіи и островами Оксіа. Такимъ образомъ противники, совершенно неожиданно для себя очутились другъ противъ друга.

Турки выстроились скорѣе христіанъ, но почему-то не рѣшились первыми начать

М. Мацмай
о. Итанна
о. Шикотан
Пролив Измены
Залив Измены
М. Кунашири
Сиреники
Долина Жизни
Долина
Улу-о-а.и.

бой и какъ будто чего-то выжидали и этимъ дали возможность выстроиться и христіанамъ, что послѣдніе выполнили довольно плохо.

Барбарига, командовавшій лѣвымъ крыломъ, долженъ былъ занять позицію настолько близко къ берегу, чтобы его не могли обойти съ фланга; но, вѣроятно, вслѣдствіе незнакомства съ мѣстностью, ему сдѣлать этого не удалось.

Самая трудная задача выпала на долю Дорія, начальника праваго крыла; ему надо было занять свое мѣсто съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставить достаточное пространство для центра и вмѣстѣ съ тѣмъ не уйти слишкомъ далеко, чтобы между нимъ и центромъ не могъ образоваться промежутокъ. Подойдя къ своему мѣсту, онъ увидѣлъ, что линія его противника, Улудъ-Али, начальника лѣваго фланга турокъ, гораздо длиннѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, а потому онъ двинулся далѣе на югъ, желая съ ней сравняться и настолько увлекся этимъ движеніемъ, что между нимъ и центромъ открылась широкая брешь.

Между тѣмъ въ знакъ предстоящей битвы Донъ-Жуанъ поднялъ на своемъ кораблѣ штандартъ христіанской вѣры, на которомъ изображено было распятіе Спасителя, а подъ нимъ гербы папы, Венеціи и католическаго короля, соединенные цѣпью въ знакъ союза; нижнее мѣсто былъ гербъ Донъ-Жуана. Затѣмъ главнокомандующій сошелъ со своей галеры въ маленькую 12-ти весельную шлюпку и объѣхалъ на ней свою эскадру, ободряя хри-

христіанскихъ існіевъ не падаетъ своихъ силъ, защищаетъ честь флага до послѣдней капли крови и призываетъ на помощь Бога даровать побѣду надъ невѣрными.

Послѣ выстрѣла, двумя въ лицо сопостатамъ, настаетъ совершенный штиль. Христіане и турки нѣсколько времени стояли въ совершенномъ бездѣйствіи, съ удивленіемъ глядя одни на другихъ. Взоры оттомановъ были ослѣплены блескомъ шлемовъ, латъ и щитовъ, сверкавшихъ при лучахъ солнца; сопостаты дивились, глядя на разноцвѣтные карабли непріятелей, золотые фонари, пурпуровые знамена съ золотыми и серебренными надписями, флаги съ звѣздами, полумѣсяцами и затѣйливыми вензелями султана. Въ центрѣ-громадный красный флагъ, обшитый по краямъ жемчужной матеріей, съ изображеніемъ въ серединѣ мирскимъ двоеглавострѣлымъ мечемъ и двумя скрещенными саблями, окруженными арабскими надписями; взывающими къ Аллаху и его пророку, указывая мѣсто капудана-паши, прервавшаго наконецъ тишину пушечнымъ холостымъ выстрѣломъ, какъ-бы въ знакъ привѣтствія и требованія, чтобы предводитель христіанскаго флота отвѣчалъ ему тѣмъ-же. Жанъ-Жанъ отблагодарилъ его ядромъ и въ одинъ моментъ, какъ-бы по сигналу, всѣхъ галеръ осушались двѣнадцать; турецкія суда, строившіяся съ носами и кормами болѣе возвышенными, чѣмъ галеры христіанскія, что служило большой помѣхой для дѣйствія артиллеріей, сильно пострадали съ самаго начала сраженія, тѣмъ болѣе что сопостаты, обладая болѣе совершенной артиллеріей, поспѣшили выпустить изъ своихъ орудій

по три и даже по четыре выстрела.

Бой начался почти одновременно на левом фланге христиан и в центре, лишь Дориа все не открывал огня, продолжая все идти к югу, и за ним, несколько отставши от него, следовал Улуч-Али.

Командовавший правым флангом турок александрийский паша Сирокко, сейчас-же воспользовался вышеуказанной ошибкой Барбарино, обошел его левый фланг, окружил со всех сторон и совершенно отрезал от центра. При этом нужно заметить, что надежды христиан на помощь совершенно не сбылись; турки полным ходом прошли мимо них и оставили их далеко сзади, так что те не могли принять почти никакого участия в бою.

При одинаковом вооружении турков может быть и удалось-бы разбить Барбарино, но когда дело пошло на абордаж, то преимущество христиан в числе и качестве и в вооружении тех взело верх и скоро галеры Сирокко начали обращаться в бегство, причем они выбрасывались на берег и команда спасалась вплавь.

В центре турки оказали гораздо более сильное сопротивление, так как здесь были самые лучшие войска - янычары, и долго нельзя было сказать на чью сторону окажется победа. Особенно ожесточенный бой кипел между галерами Дон-Жуана и турецкого главнокомандующего. Несколько раз турки врывались на неприятельскую адмиральскую галеру, доходили даже до грот-мачты, но затем были отбиваемы и

христіане въ свою очередь абордировали галеру Заде-Али; но съ окружавшихъ галеръ подоспѣли подкрѣпленія и приходилось отступить и защищаться у себя. Наконецъ послѣ самаго упорнаго боя христіане сбросили враговъ, Заде-Али былъ убитъ и поднятая высоко на копьѣ его голова показала окружающимъ, что турки потеряли своего главнокомандующаго.

Послѣ этого сопротивленіе турокъ сдѣлалось значительно слабѣе, и скоро и въ центрѣ христіане оказались побѣдителями во всѣхъ пунктахъ. Но въ этотъ моментъ случилось обстоятельство, чуть было не передавшее побѣды въ руки турокъ. Дѣло въ томъ, что Улудъ-Али, слѣдуя за Дорія, видя что тотъ ушелъ далеко впередъ, вдругъ повернулъ почти со всѣми своими кораблями и полнымъ ходомъ направился на центръ, гдѣ христіане уже праздновали побѣду. Правый сранъ центра въ одинъ моментъ былъ окруженъ турками и нѣсколько галеръ уже было взято на абордажъ. Къ счастью, Донъ-Жуанъ съ окружавшими его адмиральскими галерами увидѣлъ опасность и быстро поспѣшилъ на помощь. Сюда-же подошелъ, возвращавшійся въ это время на рейдъ, резервъ и наконецъ повернулъ и Дорія. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, Улудъ-Али обратился въ бѣгство, причемъ 13 галерамъ удалось уйти въ море, а 35 успѣли скрыться въ Лепанто.

Побѣда христіанъ такимъ образомъ была полная.

Въ Лепантскомъ бою турки, кромѣ большого количества мелкихъ судовъ, потеряли

160 галер, изъ которыхъ только 15 было сожжено и потоплено, причемъ изъ остроя у нихъ было около 30,000 человѣкъ. 12,000 человѣкъ христіанскихъ гребниковъ получили въ этотъ день свободу. Христіане лишились 15 судовъ и число убитыхъ у нихъ было всего 7500 человѣкъ; въ этомъ числѣ было 2.300 гребцовъ и характерно то, что большинство писавшихъ въ то время объ этомъ боѣ, не считало совершенно нужнымъ упоминать о такомъ пустякѣ, и находятъ потери христіанъ всего въ 5200 человѣкъ.

Во время самаго боя было совершенно тихо, но къ вечеру небо покрылось тучами и почти поднялся страшный штормъ. Хорошо что подзорный флотъ успѣлъ скрыться въ Мессина, а то если-бы онъ, съ обломанными веслами, съ уполовиненной командой, обременённый многочисленными призами, оказался-бы на открытомъ морѣ; положеніе его было-бы чрезвычайно критическимъ. На слѣдующій день, когда море нѣсколько стихло, Донъ-Жуанъ въ сопровожденіи сановныхъ адмираловъ отправился на мѣсто боя, причемъ единственная адмиральская галера, которая была къ этому пригодна, на которой можно было устроить завтракъ для такого количества знатныхъ особъ, была галера Андреа Дориа, и Донъ-Жуанъ не упустилъ случая дать это понять генуэзскому адмиралу.

Затѣмъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ былъ поставленъ вопросъ, что-же теперь предпринять, какъ воспользоваться плодами такой блестящей побѣды? Отвѣты получились почти единогласные: немедленно возвратиться домой,—

Шиллеръ-Шмидтъ Вел. кн. Константинъ

всѣ ухищренія на позднее время года, на убыль въ экипажѣ, недостатокъ въ веслахъ и т.п.... и Венеціанцы Жаждали преслѣдовать обращенную сопернику. Такимъ образомъ закончилась эта знаменитая кампанія.

Резюмируемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ, какія причины вліяли какъ съ той, такъ и съ другой стороны на ходъ какъ всей кампаніи, такъ и ея частнаго въ ней морского боя при Лепанто.

Въ началѣ кампаніи турки были на морѣ несравненно сильнѣе христіанъ; флотъ ихъ, вполнѣ вооруженный и снабженный находился уже долгое время въ морѣ, тогда какъ христіанскіе невольничіе отряды были разбросаны по различнымъ портамъ и нѣкоторые изъ нихъ были совершенно не готовы къ выходу въ море.

Турки, не преслѣдовавшіе ясно объ овладѣніи моремъ, не хотѣли всей выгоды своего положенія и поставили своему флоту совершенно побочную ему цѣль - взятіе береговыхъ крѣпостей и разореніе непріятельскихъ береговъ, цѣлью имѣя случай разбить непріятельскую морскую силу по частямъ. Но далѣе если-бы эта непріятельская морская сила была-бы и собрана и готова, все-таки прямая роль турецкаго флота была именно напасть на нее, такъ какъ только она была могла помышлять на успѣхъ.

Увлекшись вышеуказанными побочными цѣлями, турецкій флотъ, хотя ихъ и достигъ, но при этомъ ослабилъ себя на столько, что когда было получено извѣстіе о томъ, что христіане направляются къ нему на встрѣчу, онъ принужденъ былъ поспѣшно отступить въ Лепанто и занять оборонительное положеніе. Весь его преимущества были имъ утеряны и перешли на сто-

рону христіанъ, которые съ самаго начала поставили себѣ совершенно ясную и опредѣленную цѣль—исправить турецкій флотъ, не увлекаясь завоеваніемъ отъ турокъ заманчивыхъ лишь крѣпостей и острововъ.

Обманутые невыгодными показаніями разъѣдчиковъ и повинуясь приказанію сультана, турки все-таки вышли на встрѣчу христіанамъ и збили раздѣлить на головы. Однако Донъ Жуанъ, получивъ обладаніе моремъ, не съумѣлъ имъ воспользоваться, не послѣдовалъ за остатками раздѣленнаго непріятеля, не появился у его собственныхъ береговъ, не сдѣлалъ ни одной высадки, не попробовалъ даже возвратить Сиросу ни одной изъ потерянныхъ имъ областей. И все-таки, не смотря даже на это, вліяніе Лепантской побѣды сказалось въ томъ, что періодическіе набѣги турокъ на берега Италіи и Франціи, поддержка оказываемая Алжиромъ и Тріполи испанскимъ маврамъ, исчезли какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, такъ какъ збитъ сломленъ былъ самый корень могущество турецкаго флота на Средиземномъ морѣ. Никакое раззореніе турецкихъ береговъ, ни взятіе ихъ крѣпостей никогда не привело-бы даже и къ такому результату. Такимъ образомъ въ этой кампаніи, какъ и во всѣхъ предъидущихъ, вновь подтверждается правильность основныхъ принциповъ морской стратегіи.

Вліяніе принциповъ тактики въ Лепантскомъ дѣлѣ прослѣдить не такъ легко, во-первыхъ, въ виду того, что сраженіе какъ съ той такъ и съ другой стороны велось очень просто, безъ какихъ-либо предварительныхъ соображеній и

комбинаций, дать которым принять мне имелось время, ибо как бой явился для обоих противников совершенно неожиданным. Вследствие этого большое влияние имело на его исход преимущество вооружения христиан, главным образом вооружение их солдат аркебузами, тогда как большинство турок имели лишь только луки. Тогда как во время этого боя многие христиане сделали из своего аркебуза до 40 выстрелов, поскольку последовательных выстрелов из лука, ибо разорвали его тетиву, что они теряли всю свою прицельность и стрела зачастую не в состоянии пробить даже одежду. Затем христиане имели на всех своих галерах по крайней мере по 100 человек солдат, а на адмиральской и много больше, тогда как на многих турецких галерах было не больше 40 - 50 солдат. Однако и помимо вооружения были и другие причины поражения турок.

Когда армады встретились турки были в одной компактной массе и выстроились гораздо скорее христиан, выходивших на них по очереди из узкого прохода. Между тем они на них не напали, а дали им спокойно выстроиться, сделав таким образом случай сосредоточить всю свою силу на отдельные части противника. Затем, когда на правом крыле и в центре дело турок уже было проиграно, внезапное сосредоточение всей эскадры Улуч-Али против части христианского центра чуть было не лишило христиан всех приобретенных ими преимуществ; только благодаря своевременной поддержке Дон-Жуана

и окружавших его галер, а также помощи арбалетчиков, удалось сосредоточить против Умур-Бея превосходные силы и он принужден был отступить. Таким образом и в этом бою принципы тактики играли известную роль.

Общее заключение из истории древних флотов.

Обозреваемый период по крайней мере в 30 столетий, в продолжении которого господствовал на море гребной военный флот, ясно видим, что он прошел следующие стадии своего развития.

1) выказал только то, чтобы создать военного корабля и окончательно остановиться на главном оружии - на тране. В продолжении этого времени флот никакого самостоятельного значения не имел и на него смотрели или как на часть армии, или как на перевозочное средство.

После этого началась разработка морской тактики. Появились правильные строи и развилось искусство действия тараном. Вместе с этим изменился и взгляд на флот, и в последующих войнах (пунических) флот играет совершенно самостоятельную роль в духе основного принципа морской стратегии.

В таком положении дело осталось 15-16 веков, т.е. до появления артиллерии.

Она убивает таран; но, вследствие своего несовершенства, она не может вполне его заменить и главным средством боя про-

должен ещё несколько времени оставаться абордаж. Но вместе с тем артиллерия-же служит и главной причиной падения гребного флота, и на смену ему выступает парусный флот, которому суждено господствовать на морях около четверехсот столетий и пройти в это время через всё тех-же фазы, через которые прошел его предшественник, с тою лишь разницей, что он движется несколько скорее.

Действительно, гребной флот уже не мог бороться рядом с артиллерией. Так как для неё место оставалось только на носу, то много-ли можно было иметь поставить пушек; затем, величина гребного судна зависела от некоторого постоянного элемента — силы отдельного человека, которой двигать веслом, а потому увеличивать размеры галеры было нельзя, что препятствовало увеличению количества артиллерии. Притом исчезновение тарана уничтожило необходимость двигаться по всем направлениям, а потому является совершенно понятным, что с развитием артиллерии, гребной движитель потерял весь свой смысл и должен был исчезнуть. Таким образом это и случилось, и Лепантское сражение явилось лебединою песнью гребного флота.

Инв. 18181

B26286